

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книг, посвящённых подвигам и трагедиям Великой Отечественной войны, написано много как участниками, так и историками-исследователями.

Долгие послевоенные годы тема 2-й ударной армии замалчивалась по известной причине: предательство и сдача в плен генерала армии А. А. Власова во время Любанской наступательно-оборонительной операции на Волховском фронте в 1942 году. Впоследствии выжившие в Любанской операции и прошедшие рядом со смертью через всю войну не хотели вспоминать о том, что происходило там. И только иногда в семейном кругу они скупно делились переживаниями и воспоминаниями.

Мой родной дед Леонтий (Леонид) Сергеевич Гуляев – участник тех боёв у Мясного Бора с января по июнь 1942 года, рядовой красноармеец 236-го кавалерийского полка 87-й кавалерийской дивизии 2-й ударной армии. После выхода из окружения в районе Мясного Бора он продолжал воевать, защищая Ленинград, был трижды ранен: два ранения – средней тяжести. В начале августа 1944 года осколок разорвавшейся мины раздробил ему коленную чашечку. И после четырёх месяцев лечения в госпитале деда отправили на полгода в отпуск домой, до июля 1945 года.

Собирая воспоминания о нём и других родственниках для создания истории своей фамилии, я пришёл к мысли, что нужно бы написать историю о солдате, человеке, прожившем не очень длинную жизнь, всего пятьдесят три года, но честно и ярко, так, что многие из сельчан помнят его до сих пор.

Повесть – это память о том поколении сибиряков, которые родились в самом начале двадцатого века, прошли несколько войн и революцию, коллективизацию и становление советской власти. Основной моей целью было не описывать общеизвестные документальные факты и хронологию военных действий, а показать обычную жизнь простого русского солдата.

Справка

Леонтий (Леонид) Сергеевич Гуляев

Дата рождения: 04.05.1900.

*Два класса образования, женат, 4 детей.
Коммунист.*

Место рождения: Алтайский край, Павловский район, с. Новообинцево.

Дата и место призыва: сентябрь 1941 года, Павловский РВК, Алтайский край, Павловский район.

Начало службы: 236-й кавалерийский полк 87-й кавалерийской дивизии 13-го кавалерийского корпуса. Дивизия формировалась

как в/ч № 2262. 21 сентября 1941 года в лагере под Барнаулом (разъезд № 18) весь личный состав дивизии принимал присягу, и полки получили от барнаульских организаций трудящихся красные шефские знамёна.

7 ноября 1941 года части дивизии в полном строевом составе принимали участие в демонстрации трудящихся Алтайского края.

Последнее место службы: рядовой, 194-й гвардейский стрелковый полк 64-й гвардейской стрелковой дивизии, 19.01.1943 – 09.05.1945.

Военно-пересылочный пункт: Ленинградский. Прибыл в часть 14.01.1945.

Военный госпиталь № 1114.

Выбытие из воинской части: 15.01.1945.

Куда выбыл: Павловский РВК, Алтайский край.

Тип лечебного учреждения: эвакуационный госпиталь.

Место дислокации: Ленинград.

Район дислокации: Ленинградская область. Лечебное учреждение находилось в этом районе с 16.04.1943 по 01.04.1945.

Дополнительная информация: г. Ленинград, ул. Институтская, 5, п/я 563.

Ранения: три. Последнее – август 1944-го.

Участие в боевых действиях: январь – март 1942 года – Любанская операция, июнь – сентябрь 1943 года – Синявинская операция, январь 1944 года – Пулковские высоты – освобождение Красного Села, февраль 1944 года – Нарвская операция, 10 июня 1944 года – Выборгская наступательная операция, 20–29 июля 1944 года – освобождение Пскова, Нарвы, август 1944 года – Рига – Курляндская операция.

Награждения: медали «За отвагу», «За оборону Ленинграда» (приказ подразделения от 10 октября 1943 года издан 194-м гв. СП 64-й гв. СД [ЦАМО. Ф. 2294. Оп. 2. Ед. хр. 50. № записи 1532947822 (5)]).

ФЕВРАЛЬ 1945-го

Февральским морозным утром 1945 года Леонтий сошёл с поезда на вокзале города Барнаула, вдохнул полной грудью родной сибирский воздух.

Почти три с половиной года он не был дома. Три долгих военных года! Казалось, что прошла целая вечность.

Его никто не встречал, он специально не стал сообщать о своём приезде домой из госпи-

тalia, где ему на целых шесть месяцев дали увольнение после четырёхмесячного лечения. Шесть месяцев тишины, без войны! Шесть месяцев без стрельбы и потери боевых товарищей! Шесть месяцев дома, с женой и детьми!

Какое-то время Леонтий стоял не двигаясь, наслаждаясь привокзальным шумом. Из-под расстёгнутой шинели виднелись две блестящие медали: «За отвагу» и «За оборону Ленинграда». Только сейчас, только здесь, в Барнауле, он ощутил, что война далеко, а дом близко – вот он, рядом, каких-то девяносто километров. «Как долго я не был дома! Целую вечность! Манька-Марийка, дочка, уже во втором классе. Генке – шестнадцать. А Фёдор с Николаем вообще уже мужики. Николай даже повоевал, по инвалидности комиссован, но, главное, живой. Скоро-скоро свидимся!» – мысли вихрем неслись в голове.

Мимо пробежали гражданские, встречавшие своих солдат, военные, прибывшие, как и он, из госпиталей: кто-то в увольнение, а кто-то и совсем, по инвалидности, на костылях. Суета вокзала его радовала, где-то рядом в этой суетной толпе смеялись и плакали, но это были слёзы встречи, слёзы радости.

Из первых двух вагонов выносили на носилках тяжелораненых, эвакуируемых в барнаульские госпитали; для многих из них война, возможно, уже закончилась. «Ну что же, до июля побуду дома, а там видно будет, может, и война кончится, а нет – так на фронт! А сейчас бы самое время перекусить да попутку до деревни или хотя бы до Павловска поискать», – подумал Леонтий и, прихрамывая на левую ногу, опираясь на палку-трость, вышел на привокзальную площадь.

На площади былолюдно, поодаль стояли конные подводы из саней-розвальней и саней-кошёвок да пара полуторок, наполовину крытых брезентом. Некоторые возчики, одетые в длинные тулупы, были явно издалека. В надежде встретить знакомых Леонтий подошёл к группе пожилых возчиков, куривших самокрукты.

– Привет, мужики!

– И тебе, солдат, доброго здравия!

– Что, всё? Отвоевался, слава богу? Али как?

– Али как! В отпуск домой на полгода. Из госпиталя.

– Ну это, слава богу, живой остался! А там, глядишь, и война закончится, по ходу дела к лету фрица задавим. Кончилась его сила. Припёрли мы его к стене-то. Так, солдат?

– Похоже, так. Но уж больно он сопротивляется, сволочь!

– Да я народу-то сколько положил! У нас в деревне в каждом доме почти похоронка. А где и две. Вот такие дела.

Мужики некоторое время курили молча.

– А ты сам-то с какой стороны будешь?

– Из-под Шелаболихи я, из деревни Новообинцево. Думал, может, кто из земляков среди вас есть. Или из ближней деревни, или из Павловска.

– Да был здесь один из-под Павловска, из Рогозихи вроде. Кого-то привёз встречать тоже. Вон его сани стоят у чайной, а сам-то, наверно, для согреву зашёл чарочку принять.

– Где воевал-то?

– Под Ленинградом. С января сорок второго всё там, под Ленинградом.

– Долго в госпитале-то пролежал?

– С начала сентября сорок четвёртого.

– Долго, однако! Серьёзное ранение.

– Да, в бедро и колено попало. Третий раз за войну. Два раза-то более-менее, а вот в третий раз – хорошо задело. И, главное, опять в левую ногу, как на Гражданской. «Везучая» нога!

– Да уж!

– Ну ладно, мужики, спасибо вам!

– За что спасибо-то? Это тебе, солдат, спасибо за службу твою.

– Прощайте! Пойду в попутчики проситься, авось повезёт.

– Да повезёт, куда он денется-то!

Леонтий направился к чайной. В прокуренном зале, пропахшем пивными парами, несколько небольших компаний мужиков решали насущные вопросы за кружкой пива. За крайним столиком сидел мужичок в сером тулупе, перед ним полстакана с водкой, шматок сала с луковицей и хлеб. Это явно был тот возчик из Рогозихи, он-то и нужен был Леонтию.

– Привет, земляк!

– И тебе, солдат, не хворать. – Мужик степенно допил водку, закусил.

– Ты ведь, земляк, из Рогозихи будешь?

– С Рогозихи. А ты вроде как не с нашей деревни. Откуда знаешь про меня-то?

– Да мужики там, у вокзала, сказали. А я из Шадры, из Новообинцево, значит. Вот напросья хочу к тебе, до Павловска добраться. А там уж я и пешком до деревни или в попутчики попаду к кому-нибудь.

Мужик, не торопясь, завернул сало, остатки хлеба и лук в тряпку, сунул свёрток в карман тулупа.

– Я-то что? Вот председатель даст добро – так, по мне, и поезжай.

Перекусить Леонтию не удалось.

Они вместе с возчиком вышли из чайной и направились к саням, количество которых заметно поубавилось – разъехались.

– Вона и председатель с супругой идут. Она у него на курсах каких-то была в Новосибирске. Поговори с ним, мужик он нормальный, тоже бывший фронтовик.

От вокзала к ним подходили женщина и мужчина. Мужчина немного прихрамывал. «Видимо, тоже ранение в ногу было», – подумал Леонтий.

– Добрый день, председатель! Земляка до Павловска не подбросите? Своим не стал сообщать, нежданно решил приехать.

– Из Шадры он, из Новообинцево.

– Добрый-добрый, надеюсь! Отвоевал, значит?

– Нет ещё, на полгода, до июля на излечение еду. Фамилия моя – Гуляев. Леонтий Сергеевич.

– Ну что ж, усаживаемся в сани, а по дороге и поговорим. Не поспешая, часов пять до Павловска будет, так что время есть наговориться.

Застоявшаяся лошадь резво взяла с места, быстро перейдя с шага на мелкую рысь.

– Добрая лошадь – легко идёт.

– А ты где воевал-то, Леонтий Сергеевич?

– С января сорок второго всё под Ленинградом да около него. Вначале в кавалерии, а потом стрелком, пешим ходом да ползком.

– Да... Несладкое дело – война! Страшная и жестокая.

– А ты, председатель, видать, тоже фронтовик?

– Был фронтовик. А вот весной сорок второго уже и отвоевался. Комиссовали вчистую.

На этом недлинный разговор двух солдат и закончился, до самого Павловска Леонтий и председатель перебросились лишь несколькими короткими фразами: не любили фронтовики о войне говорить, не любили и не хотели. Укутанные в тёплые тулупы, под размеренное покачивание саней, мерный скрип полозьев о снег, похрапывание лошади попутчики периодически погружались в короткий сон.

К вечеру въехали в Павловск. В центре села остановились, чтобы размять ноги.

– Леонтий Сергеевич, я вот спросить тебя хочу: а Николай Леонтьевич из Шелаболихи, слушаем, не твой сын?

– Николай? Мой. Старший сын. А что?

– Да дельный парень! Сейчас он первым секретарём райкома комсомола работает в Шелаболихе. Серьёзный и делового парень! Отличный будет из него руководитель и хозяйственник! Я как-то в городе на совещании с ним познакомился. Боевой парень, он тогда ещё с костыльком ходил, прихрамывал. Мы многие так, война пометила навсегда.

– Да, пометки на всю жизнь получились. Ну спасибо тебе, председатель! Приятно слышать хорошее о сыне! Ну и спасибо вам, что подвели! Может, ещё и встретимся.

– А в Павловске-то есть кто? Свои?

– Есть! Переночую, а завтра и дома буду!

...Ближе к полудню Леонтий вошёл в родную деревню. То ли показалось ему, что солнце светит ярче, а воздух чище и мягче, а от снежных сугробов исходит такая лёгкость, какую он уже давно не испытывал, что хотелось бежать вприпрыжку, как в далёком детстве, то ли на самом деле было так. Комок подкатил к горлу, сердце застучало быстро-быстро, готовое выскочить и бежать впереди него, глаза увлажнились. Такого с ним ещё не бывало, а если и было, то когда-то давно-давно, в другой жизни, да затерялось, затёрлось и позабылось...

ВОЙНА

Война была ожидаема, но всё же, начавшись 22 июня 1941 года, прогремела громом среди ясного неба.

Войны и лихие времена не обошли стороной и эти два сибирских села: Шелаболиху и Новообинцево. В каждую семью постучала костлявая и провела своей косой. Побывала и в моей родне.

В Первую мировую войну погиб Савелий Сергеевич Гуляев (1890–1914). Имел сына. В Гражданскую войну (1918–1920) были призваны в Красную армию еще два Гуляевых: Архип Сергеевич (1897–1970) и мой дед – Леонтий Сергеевич (1900–1953). Архип был контужен на Польском фронте и вернулся инвалидом (стал почти глухим от разрыва снаряда), Леонтий отделился лёгким ранением в левую ногу.

Потом были сложные годы коллективизации и становления колхозов. Подрастали дети, часто слушавшие вечерами военные рассказы отцов, а днём в свободное от полевых работ время игравшие в белых и красных деревянными саблями и ружьями. И никто из них не знал, что где-то уже готовятся планы и на их судьбы, льются свинцовые пули, точатся болванки снарядов и гранат...

Ещё не совсем забыли люди потери родственников в тех войнах, а тут пришла новая страшная весть о войне с Германией: «В 3 часа 15 минут 22 июня 1941 года началось вторжение в СССР». Фашистские самолёты бомбардировали Киев и Минск. В тот же день войну Советскому Союзу объявили Италия и Румыния, союзники Германии, 23 июня – Словакия, а 27 июня – Венгрия.

Почти все сельчане были на полевых работах и на покосе за рекой, но уже после полудня в центре села Новообинцево, у сельсовета, организовался митинг с представителями райвоенкомата. Объявили фамилии наших сельчан, которые сразу после митинга считались мобилизованными и направлялись на фронт.

За всю войну из нашего села погибло 172 человека, многие вернулись ранеными – инвалидами, были и те, кто остался целым и невредимым, но, скажем прямо, немногим посчастливилось, пройдя все ады войны, вернуться без увечья домой.

Хотя и были, можно сказать, удивительные для такой войны случаи. Очень редкий случай имел место, и я думаю, редкий не только для нашего села, но, возможно, и на весь Алтай. Фёдор Егорович Павлихин, колхозный шофёр, на своей машине-полупортке прямо с митинга увёз мужиков в Барнаул на мобилизационный пункт. Там он тоже был мобилизован вместе с машиной и прошёл всю войну до самого поверженного Берлина, а после Победы, к осени 1945 года, вернулся на своей полупортке домой, в родной колхоз «Комсомолец». Живым и даже не раненым. Сельчане его часто спрашивали: «А ты, случаем, не в рубашке родился?» Вообще-то таких счастливиц было даже по стране мало, а у нас – один на весь район. (Из воспоминаний ветерана Великой Отечественной войны Н. Л. Гуляева, р. п. Павловск. 1988 г.)

В первых эшелонах мобилизованных сибиряков (1941 года) ушли на фронт и мои родственники из поколения дедов: Леонтий Сергеевич Гуляев (04.05.1900 – 20.10.1953) – мой родной дед по отцу, Фёдор Сергеевич Гуляев (1902–1995), Семён Дмитриевич Кечин (1907–12.04.1942) – мой родной дед по матери, Иван Гаврилович Калинин (1905–1988), Александр Иванович Григорьев (1912–1981), Иван Яковлевич Гулимов (1904–...), Яков Петрович Кечин

(1913—...), Прокопий Петрович Кечин (1904—1943), Владимир Петрович Кечин (1924—1944), Прохор Сергеевич Гуляев (1896 — пропал без вести в 1942-м). Подвиги, совершенные ими, были отмечены государственными наградами и вошли в Летопись победителей.

МОБИЛИЗАЦИЯ. 1941-й

Леонтий Гуляев, придя домой из конторы колхоза, швырнул фуражку на лавку у печи и сказал куда-то в угол избы, не глядя на жену:

— Всё, Паша, немчура опять войну затеяла! Стало быть, на днях мобилизуют. Это не гражданская буча будет, прольётся, похоже, крови много. Ладно, что сыны ещё пацаны, может, и минует их лихо. А мне надобно будет собираться.

Прасковья, жена Леонтия, охнув, опустилась на лавку, поднеся к лицу кончик платка, зажатого в левой руке. Она молча посмотрела на мужа, как бы говоря ему: «А как убьют? Чё делать-то будешь?»

Паша всегда мало разговаривала, такой у неё был характер — неразговорный, но все родные понимали её с полувзгляда, полуслова.

Леонтий понял её взгляд, и стало жаль её, эту маленькую, робкую, всегда спокойную женщину. Он, возможно, впервые увидел всю её беззащитность и осознал, что дороже этой женщины, матери его четверых детей, у него нет! Хотелось сказать какие-нибудь ласковые слова, но не в его характере было нюни распускать.

Присел рядом, обнял крепкой мускулистой рукой:

— Нет, Паша, не убьют! Вернусь я, Паша, вернусь.

Сказал и как-то сам себе поверил, что не могут его убить на войне, не его это время. Не его! Ничего, они и не такое преодолевали, хоть в Гражданскую войну, хоть в годы коллективизации: вилы всегда заточены были да берданка заряжена.

Деревенские мужики, получившие повестки в самые первые дни войны, собирались молча в центре села, прощались с жёнами, детьми и родственниками, усаживались в кузов полуторки, чтобы ехать в Барнаул на призывной пункт. С ними уехал добровольцем младший брат Леонтия — тридцатидевятилетний Фёдор, работавший заведующим шелаболихинским «Заготзерном».

После отъезда мужиков как будто образовалась в деревне пустота. Видимо, и природа почувствовала беду, потому что и птицы стали щebetать, а не в полный голос петь да насвисты-

вать, солнце хоть и пекло, но казалось, что светит через хмарь.

Через полтора месяца, в августе, Леонтий отправился воевать. В то время уже начали приходить похоронки в ближайшие деревни.

Рано утром Прасковья затопила печь, испекла шанежки. Дети тоже проснулись рано, расселись за столом все, всей семьёй, что было в последнее время не так часто. Леонтий сел, как всегда, в торце стола.

— Ну вот, сыны, такие дела, война, значит. Посидим позавтракаем все вместе на дорожку. Может, и не свидимся более. По-разному мы жили: и хорошо, и не очень, но дружно, как деды наши жили дружно и уважали свой род, Гуляевых, да и другим людям не врагами были. Так и вы живите далее. А бог даст, свидимся! Ну а нет, то помнить будете, — сказал он.

Шанежки ели молча, макали в мёд и запивали молоком. Все понимали, что отец может погибнуть. Одна маленькая Мария была радостная, видимо оттого, что все были рядом и что солнечное утро тёплыми лучами играло по комнате.

Провожала Леонтия вся большая родня: жена с детьми, старшие братья Прохор и Архип, каждый со своим многочисленным семейством. Прохору было уже сорок пять лет, а Архипу — сорок три, но на фронт его не призвали: в Гражданскую получил сильную контузию, почти глухой стал после того.

— Эх, Лёва, повоевал бы и я с тобой, как тогда, в Гражданскую, да, видимо, не возьмут.

— Нет, брат, точно, не возьмут. Здесь давай в деревне будь. Своих пацанов подымай да за моими приглядывай, — громко прокричал Леонтий Архипу на ухо. — Давай, Архип, прощаться будем.

Молчаливый Прохор протянул Леонтию руку, обнял крепко да разговорился:

— Прощай, брат Лёва! Фёдор уже воюет, вот и тебе время подошло. Если что, зла не держи, мало ли что было! Береги себя насколько можно! Бог даст, свидимся! Я, видимо, тоже скоро призовусь, заявление уже написал в военкомат. О детях не беспокойся, мы с Архипом да с жёнками присмотрим за ними. Да и в деревне почти все — родственники, так что обижены не будут. У меня самого семеро, а как на фронт уйду, тоже люди помогут им, поди. Вот такие, брат, дела.

— И ты, Прохор, на меня не обижайся. Вроде в мире жили, но если есть обида — не держи!

Полуторка с сидевшими в кузове мужиками из соседних сёл уже стояла у сельсовета в ожидании новообинцевских призывников. Прощался с семьёй Леонтий недолго: не любил он эти нежности разводить, но зацербило что-то в груди, зануло.

Чтобы не затягивать время прощания, он быстро обнял жену, крепко пожал руку старшему сыну Николаю, потрепал по плечу среднего Фёдора, прижал к груди младшего Геннадия, пятилетнюю дочку Марусю, которую он нёс на руках от самого дома, поцеловал, погладил по голове, поставил на землю и повернулся к сыновьям:

– Матери, сыны, помогайте, а Марию не обижайте. Вернусь – проверю!

С этими словами он забрался в кузов отъезжающей полуторки. Пыль, поднятая её колёсами, какое-то время ещё висела облаком, скрывающая силуэты уезжавших мужиков.

Многие из них так и исчезли на тех военных дорогах. Только память осталась в семейных альбомах и фамилии на плитах мемориала в центре села...

Полуторка тряслась и подпрыгивала на ухабах дороги, раскачиваясь из стороны в сторону. Мужики, молча куря самокрутки, зажатые в кулаке, думали каждый о своём. Оглядываться не хотелось, смотреть вперёд особого желания не было.

Страх Леонтий не испытывал, была какая-то тревога, щемящая в груди, какое-то волнение, как перед грозой, когда начинала беспокоить раненная ещё в Гражданскую левая нога. Вспомнился старший брат Савелий, погибший в Первую мировую войну. Савелий, молодой и красивый, с белокурыми кудрявыми волосами, высокий и широкоплечий, похожий чем-то на брата Фёдора. Тогда он тоже уехал с несколькими мужиками на подводах на ту войну, которая была далеко, да и не вернулся. Не вернулись с войны в деревню ещё мужиков тридцать. Леонтий многих знал и помнил.

Воспоминания всплыли сами, как-то сразу и так явно, как будто всё вчера происходило. Деревенские пацаны и девки провожали своих отцов и братьев до самой Каменской трассы. Беременная жена Савелия Ольга, братья Прохор, Архип, Леонтий и Фёдор тоже шли рядом с телегами, прощались с Савелием, как оказалось, в последний раз.

Ольга родила раньше срока сына Алексея, практически в день гибели Савелия. Сейчас Алексей тоже, наверное, призывается в Новоси-

бирске на фронт. Чуть позже Савелия и Прохор был призван в армию, отвоевал немного, около двух месяцев, на Румынском фронте, получил ранение в плечо, лечился в лазарете Екатеринбург. Прохор вернулся, а вот Савелий так и сгинул где-то на полях войны четырнадцатого года.

Память напомнила Леонтию и давние годы, предреволюционные, когда они с братьями разнимали шадринских и самодуровских мужиков, дерущихся на льду, как бы на границе между двух деревень. Чего делили подвыпившие мужики, так никто и не узнал. А он сейчас вот вспомнил тот случай с улыбкой и внутренним удовольствием, как будто недавно это было. Несколько мужиков из той «свалы» сейчас тоже ехали с ним в кузове. Им, как и Леонтию, было уже порядочно лет: кому-то сорок, кому-то под сорок пять. Тогда эти мужики дрались, а они, братья Гуляевы, пошли их разнимать, с миром пошли, но получили кулаком кто в нос, кто в ухо.

Братья Гуляевы роста были небольшого, но широкоплечие, кряжистые. За себя могли постоять и своих не дать в обиду. И не стерпели. Понесли. Уложили на лёд тогда почти всех: и своих, и чужих. После этого случая стали их звать Куликами: «Кулик не велик, а всё же птица».

77

Вспомнил он и то, как они с Архипом уходили на Гражданскую войну, как вернулись. Архип – контуженный на Польском фронте, а он – хромящий от ранения в левую ногу.

И после Гражданской ещё долгое время бывшие колчаковцы, разбежавшиеся и расселившиеся по мелким поселениям и заимкам, вредили и портили кровь местным властям. Они и сынки местных кулаков создавали в округе сёл и деревень вооружённые летучие отряды, которые укрывались в лесах и сводили счёты с активистами, а то и просто занимались обыкновенным бандитизмом. Остатки банды Кайгородова скрывались за рекой в инском сосновом бору, откуда устраивали свои налёты на близлежащие сёла и деревни.

Поэтому в те далёкие годы всех председателей сельских советов вооружали винтовками и наганом. И ему, Леонтию, тоже, как председателю сельсовета, избранному в 1929 году, выдали винтовку-трёхлинейку, две берданки и наган, который он всегда носил с собой.

По всей Сибири был сильный голод и процветало воровство. Воровали всё, что можно было съесть или продать. В основном воровали

животных, поэтому селяне вынуждены были загонять на ночь скот прямо в дома, если не было хорошо укрепленного скотного двора. Сельским советам добавил хлопот и тревог большой наплыв кочующих цыган и выселение из Киргизии в Сибирь бывших богатых киргизов. Эти люди, не имея ничего своего: ни работы, ни жилья, вели себя как временщики, и воровство стало главным их ремеслом. Редкая ночь проходила спокойно; часто среди ночи кто-нибудь из сельчан стучался в дом Леонтия и просил помощи. И тогда он поднимал по тревоге свой актив, вооружал, и начинался поиск воров и краденого. Иногда получалось сразу обнаружить и пропажу, и преступников, которые сознавались в совершённом воровстве и раскаивались.

В памяти всплыл случай 1932 года, когда ворами были уведены две «коммунарские» лошади. Их поиск в течение суток ничего не дал. Только после того, как один киргиз (которого Леонтий принял и пристроил на жительство в колхозной конторе, видя, что его большое семейство не сможет выжить, если не помочь с жильём и работой) сообщил, кто украл и где пропала, вор был арестован, но не сознавался. Пришлось посадить его до утра в погреб-ледник «для обдумывания своего бытия».

На следующий день подозреваемого забрали сотрудники районного ОГПУ. Немного погодя его отпустили за недоказанность вины, а через несколько дней Леонтия арестовали и осудили на семь месяцев по статье 110 УК (1929) «Превышение власти или служебных полномочий...», обвинив его в незаконном лишении свободы человека.

«Как быстро бежит время», — думалось ему. И эти думки о скоротечности жизни, постоянной борьбе за что-то и с кем-то двигали его желваки, а руки сами сжимались в кулаки. В голове неслись мысли: «И чего им всем надо? Бьёшь их, бьёшь, а они всё не уймутся! Живи, работай, рыбачь, детей расти. Только жизнь более-менее наладилась. Хоть немного бы спокойно пожить, так нет — на тебе! Войну опять затеяли... Ну что же, значит, будем биться, чтобы не убится».

Проехали Павловск. Там на центральной площади тоже толпились люди, уходившие на фронт, и их провожающие. Ещё через час полупортка въезжала в Барнаул.

ФОРМИРОВАНИЕ ДИВИЗИИ

В Барнауле новобранцев расселили по баракам и на следующий день определили места

службы. Леонтий, как кавалерист Гражданской войны, был зачислен в 236-й кавалерийский полк 87-й кавалерийской дивизии, который располагался в бывшем пионерском лагере в Сухом Логу.

В эту же дивизию, только в другой полк, попал и двоюродный брат Леонтия Тимофей Гуляев, как человек полная его противоположность. Хитрый и скрытный от рождения, Тимофей искал везде и во всём только личную выгоду, часто ничем не брезгуя. Он и тут сумел пристроиться — в продовольственном транспорте, чем и подтвердил свою кличку Тима Хитренький, которой его окрестили односельчане за постоянные приспособленческие уловки и хитрости.

— Что, Тимоха, требуху набивать теперь будешь? Смотри, аккуратней, не обожгись.

— Да чё ты, Лёва, я, может, ещё и тебе лишний кусочек мяса подкину. Мы же сродники!

— Кому сродник, а кому и не угодник! Проще-вай, Тимоха!

— И тебе ветер в спину, Лёва.

Вот такой диалог состоялся между Леонтием и Тимофеем Гуляевыми, и их дороги, у одного прямая, как он сам, а у другого — извилистая, как у ужа, разошлись окончательно.

Леонтий даже радовался тому, что служить они будут в разных полках, а то в бою обязательно подведёт, подножку подставит. Пускай уж подалее будет, так спокойней...

В полк поступало обмундирование, вооружение, лошади и фураж. Каждый день новобранцы с Алтая, из Красноярска, Новосибирска и Омска пополняли полк; в основном все они были из сельских мест, умеющие обращаться с лошадьми. Ежедневные занятия по боевой и конной подготовке проходили в усиленном режиме: с утра до обеда будущие кавалеристы отрабатывали посадку, удержание равновесия при разных движениях лошади (рысь, галоп, карьер), различные способы управления. Нужно было не только научиться правильно сидеть на лошади, но и найти контакт с ней для точного и правильного управления.

После обеда проходили стрельбы, лёжа и на скаку с седла; лошадь должна была привыкнуть к выстрелам, чтобы потом в бою не испугалась. Это оказалось целой наукой. Мужикам от сохи было проще, чем городским, улучшить свои навыки верховой езды, поэтому Леонтий через две недели уже плотно сидел в седле на своём коне по кличке Седой. Седой был резв, смел, послушно

и чётко выполнял команды, даже на стрельбу почти не реагировал, воспринимал как само собой разумеющееся. Казалось, он родился, чтобы быть кавалерийским конём, и именно у Леонтия.

Они научились так понимать и дополнять друг друга, что даже новый командир полка майор Романовский, на днях прибывший из госпиталя, при осмотре прохождения занятий, подъехав к группе всадников, завёл такой разговор:

– Здравствуйте, бойцы! Я командир полка майор Романовский.

Рядом с Леонтием гарцевали на разгорячённых лошадях несколько всадников-красноармейцев, с которыми он уже хорошо подружился. Мужики были деревенские, почти его возраста и такие же спокойные и рассудительные, как и он: из соседней деревни Старообинцево – Иван Бахарев, из Змеиногорского района – Алексей Обидин и Яков Матвеев, новосибирец Гриша Меньшиков.

– Красноармеец Гуляев.

– Красноармеец Бахарев.

– Красноармеец Обидин.

– Красноармеец Матвеев.

– Красноармеец Меньшиков.

– А как вас величать-то, красноармейцы?

– Меня – Леонтий, а это Иван, Алексей, Григорий и Яков.

– Хорошо, постараюсь запомнить.

Майор сразу распознал главного в этой компании и обратился к Леонтию:

– А ты, боец, похоже, прирождённый кавалерист? И конь у тебя добрый, понятливый!

– Да, товарищ майор, Седой – молодчина! А я просто служил немного в кавалерии, ещё в Гражданскую, ну и в деревне всю жизнь на лошадях. А тут прямо наука! Вот мы её с сотоварищами и изучаем.

– Ну что ж, хорошо, осваивайте науку, бойцы, пока время есть и на фронт ещё не едем. В бою поможет, там учиться некогда будет... Там стреляют... Вижу вас постоянно вместе, это правильно: если научитесь чувствовать друг друга, то и в бою вам будет легче. А сейчас, главное, надо запомнить, бойцы, что сегодня не Гражданская война, она сегодня совсем другая – механизированная. Поэтому шашкой махать нам не часто придётся, и коней надо использовать для быстроты передвижения как при преследовании врага, так и в рейдах по тылам, а может, и при отступлении для перегруппировки и накопления

сил. В общем, учитесь лавировать и думать, думать... Я в госпитале до этого дошёл.

– Ясно, товарищ майор, учтём.

– Ну вот и добре!

Майор ушёл. Мужики спешили, привязали коней к веткам деревьев, присели кружком, достали кисеты и свернули самокрутки. Некоторое время курили молча.

– Вон оно как, мужики, майор уже и в госпитале успел побывать, а всего три месяца война-то! Прёт немчур! Видимо, майор на границе служил.

– А у нас в деревне, жена написала, уже на троих похоронные письма пришли.

– Надо нам друг дружки держаться, майор правильно сказал. Может, и прорвёмся!

– Прорвёмся, обязательно прорвёмся. Ладно, покурили – и вперёд.

Леонтий молодцевато вскочил на коня, пригладил густые волнистые волосы, лихо водрузил фуражку и рванул с места в карьер. Ему как-то легче стало после разговора с майором, уверенности, что ли, тот добавил, снял камушек, давивший где-то посреди груди...

А майор шёл и думал о том, что многие из этих крепких сибирских мужиков будут убиты. Судя по первым месяцам войны, вооружению немцев, их технической оснащённости, она будет тяжёлой и жестокой. Он уже почти со всеми в полку повстречался, со многими побеседовал и сделал для себя горькие выводы: «Мало времени на подготовку и обучение, мало. Хотя практически все бойцы в возрасте, от тридцати до сорока пяти лет, и жизнь знают: кто-то Гражданскую прошёл, кто-то с кулаками и белобандитами в деревнях у себя дрался, но здесь другое сейчас, совсем другое. Что они, бойцы с саблями да винтовками, против танков и самоходок смогут сделать? Только видимость большой армии создать. Нет, убьют всех. Надо другой тактике их учить, совсем другой. Тому, чему учат кавалеристов в училищах, – учить этих бойцов времени нет, да и лошади не кавалерийские практически. Ну вот хотя бы эта пятёрка, они ведь верно делают: сошлись в маленькую группу и отрабатывают взаимодействие при ведении боя. Им будет проще перестраиваться в атаке, они чувствуют присутствие и действия друг друга. Хороша мысль, нужно командирам эскадронов и взводов дать задание поработать в этом направлении, поучить атаковать и обороняться малыми группами, оно будет более приемлемо. Но мало времени, ох как мало. Скоро,

должно быть, их уже отправляет на фронт, формирование полка (да и дивизии!) закончилось почти. Ещё бы недельки две-три...»

Майор вспомнил свою погранзаставу, начало войны. Тогда едва едва рассвело, как на военный городок был совершён массированный налёт: вначале несколько десятков бомбардировщиков сбрасывали, как горох, бомбы, за ними следом налетели истребители. В результате погибло и было ранено много командиров и бойцов из личного состава, а также много боевых коней. Остатки гарнизона отошли на оборонительные позиции и в течение суток сдерживали наступление немцев. Он, прошедший Туркестан, Халхин-Гол, не мог представить, что его эскадрон в считанные дни перестанет существовать и бойцы, которых он знал поимённо, будут гибнуть на его глазах под бомбами, будут раздавлены танками и самоходками. Пулемётные очереди выкосили эскадрон, как траву. Как выжил, как попал в тыл, в госпиталь, майор не помнил. Последнее, что запечатлелось в памяти: яркая вспышка, летящие комья земли, забивающие глаза, и чёрная пустота...

Потом был госпиталь.

Внешние его телесные раны подлечили, но внутренние остались открытыми. Майор думал: «Неужели все красноармейцы-пограничники, его бойцы, с которыми бок о бок два последних года охранял границу, обучал военному делу, погибли?! Может, хоть кто-то из них выжил в той мясорубке, был ранен и лечится где-нибудь в госпитале? Встретятся ли они когда-нибудь?» Как жизнь быстро закрутила, не думал не гадал, а вот он, живой, в Сибири, куда никогда и не собирался попасть, с новым назначением в качестве командира кавалерийского полка.

И сейчас, глядя на этих новобранцев, деревенских мужиков, он вдруг, как наяву, увидел их убитыми, лежащими навалом друг на друге, в неестественных позах, с вывернутыми руками и ногами. От этого заломило в затылке, холодный ветерок зашевелил волосы.

Придя в себя от страшных и непонятных видений, он увидел улыбающихся и уставших от занятий мужиков в военной форме, но без привычной его взгляду военной выправки. Они полулежали или сидели небольшими группами, курили и что-то обсуждали. Где-то в стороне, за деревьями, играла гармонь, гармонист пел песню, хорошо пел, душевно. Несколько голосов подхватывали припев.

*В далёкий край товарищ улетает,
Родные ветры вслед за ним летят.
Любимый город в синей дымке тает,
Знакомый дом, зелёный сад
и нежный взгляд.*

*Пройдёт товарищ все бои и войны,
Не зная сна, не зная тишины.
Любимый город может спать спокойно,
И видеть сны, и зеленеть среди весны.
Когда ж домой товарищ мой вернётся,
За ним родные ветры прилетят.
Любимый город другу улыбнётся,
Знакомый дом, зелёный сад,
весёлый взгляд.*

«Красиво поют, черти, спокойно. Как будто и войны нет. Как же мне их научить, подсказать им, как не погибнуть в первом бою...» – сокрушался майор.

Его мысли опять вернулись к пятёрке бойца Леонтия – так он автоматически выделил для себя эту группу.

Их задумка прямо вписывалась в тактику, в соответствии с какой и нужно будет иногда действовать кавалеристам. Суть была проста, она раньше применялась в кавалерии. В одном из учебных рейдов по пересечённой местности Леонтий спрыгнул с коня и несколько десятков метров двигался вместе с Седым, держась одной рукой за подпругу, в другой руке была винтовка. Сбоку казалось, что лошадь бежит одна, без всадника. Потом он быстро вскакивал в седло и производил выстрелы по мишени. В другой раз он спешился, залёг за небольшим холмиком и подготовился к стрельбе, а конь тем временем продолжал движение без него. В бою это могло дать бойцу преимущество и ввести в заблуждение противника, помочь выбрать удобную позицию и подготовиться к атаке или обороне.

«Да, завтра же начнём отрабатывать и эти уловки, введём их в тактику боя», – отметил для себя майор, продолжая свой обход...

В ДЕРЕВНЕ. 1941-й

С уходом мужиков на фронт некогда людное и шумное село как-то сразу осунулось, погрустнело.

На улицах стало безлюдно. Будто жизнь замерла, приостановилась. Не было того прежнего привычного людского гомона, разухабистых песен молодёжи на вечеринках, казалось, что всё окунулось в пустоту и мрак. Паники и растерян-

ности не было, но в душах людей поселилась боль и тревога за жизнь близких, ушедших на фронт, за судьбу Родины. Каждый независимо от возраста понимал, что настало тяжкое время.

Помнили ещё в деревне белобандитские расправы с жителями в Гражданскую войну, помнили и надеялись, что не допустят немца так далеко, до Сибири, всё равно побьёт его Красная армия, не допустят и мужа, ушедшие на фронт.

Помнили сельчане и пожар, произошедший в 1928 году, когда осенним днём из-за шалости детей загорелась деревня с ветреной стороны. Головёшки бросало на сотни метров. Люди находились в поле, тушить пожар было некому. Люди, увидев пожар, бросали все полевые работы и прибежали в деревню тушить пожар подручными средствами, но бушующее огненное море унять было невозможно.

Спаси практически ничего не удалось. Выгорела вся нагорная часть деревни, некогда красивая, с широкими и прямыми улицами, застроенная добротными пятистенными домами с резными наличниками на окнах. Большинство усадеб были огорожены, с крытыми въездными воротами и входными калитками, с бревенчатыми амбарами и надворными постройками, со многими посадками, декоративными и плодоносящими. К вечеру вся деревня превратилась в чёрную, зияющую зловещей темнотой пустошь.

Люди долго и трудно выходили из этой трагедии. И как всегда бывало на Руси – ближний помогал ближнему – так и в то время: помощь пришла из соседних сёл. Помогали кто чем мог: кто лесом, кто руками, кто тем, что присылал погорельцам продукты, в основном картошку и хлеб, а кто и делился последним из зимней одежды. Так уж испокон века повелось, что Русь жива скорбью и лихом, и в дни лихолетья самый бедный отдаст с себя бедствующему последнее, что он имеет. И тогда стараниями людей и помощью из государственной казны нагорная часть деревни была за два-три года почти полностью восстановлена, поднята из пепла и гари.

Вот и сейчас знали сельчане, что всем миром одолеют врага: кто с оружием в руках на фронте, а кто здесь своим трудом на полях да фермах.

Прасковья рано утром, приготовив завтрак, будила старших сыновей Николая и Фёдора:

– Вставайте, ребятки, скоро петухи закукарекают. На работу пора да и на учёбу ещё поспеть надобно, на курсы-то.

Старший Николай, семнадцати лет, рослый и крепкий парень, на целую голову был выше отца. Два раза ездил в райвоенкомат, просился на фронт – с отцом воевать рядом.

– Молод, парень. Вижу, что большой, но возрастом пока не подходишь. Подожди, на следующий год призовём, успеешь ещё навоюешься. Учись пока на тракториста, а потом, может, в танкисты пойдёшь, а может, бронь получишь! – говорил военком.

«Бронь, бронь... Нужна мне эта бронь! На фронт идти надо», – думал Николай.

Средний Фёдор ростом был мал для своих пятнадцати лет, полтора метра всего, но крепенького телосложения, часто подтрунивал над Николаем. Вот и сейчас за завтраком:

– Коль, вот нам бы с Генкой от тебя сантиметров пятнадцать росту забрать, мы б с тобой одного роста были. Тогда и мне, и тебе в тракторе удобно было бы сидеть. А так с твоим ростом тебя в танкисты не возьмут: голова из башни будет торчать. В кавалерию, как отца, тоже не возьмут: ноги длинные. Только в пулемётчики, сила у тебя есть пулемёт носить. А может, и командиром будешь! Да, Коль?

– Ладно болтать-то. Поели, ну и пошли коров кормить, а то ещё в Шелаболиху на занятия опоздать не хватало.

Серьёзный был Николай, ответственный.

Он вышел из дома, Фёдор догнал его уже возле калитки. По дороге к ним присоединился старший сын дяди Архипа Иван, одногодок Фёдора. Немногословный и всегда немного угрюмый, Иван был заядлым рыбаком. В рыбалке равных ему было немного, даже лучшие рыбаки села признавали в нём себе ровню по умению и удачливости в рыбной ловле. Отец Архип, работавший кузнецом, тоже был настоящий рыбак, но Иван, которого он приучал к рыбацкому делу почти с пелёнок, обогнал его уже годам к четырнадцати. Это была его страсть, его призвание.

Братья первыми поздоровались с Иваном:

– Привет, Иван, чё это ты такой хмурной-то? Не выспался, что ли?

– «Не выспался, не выспался». Выспался! Вчера с Генкой перемёты ставили да мордушки ещё в затоне установили. Щас вон батя с Петькой и Генкой будут рыбу вынимать, так они ещё перемёт-то и утопят! А я коровам хвоста крутить буду! Тьфу! – ответил Иван, смотря куда-то в сторону.

– Ничего они не утопят, не впервой же.

– Утопят, как пить дать утопят.

– Давай-ка шагу, братья, прибавим, а то вон и девчонки уже впереди нас.

– Тебе бы только рыбачить! А на тракторе тоже нужно научиться. Девки, что ли, будут за тебя пахать? – не унимался Фёдор.

– Рыбу-то мы тоже в колхоз сдаём. Это тоже для колхоза, не только домой. Да и душа у меня к технике этой не лежит, как у вас.

Ребята догнали девушек, тоже идущих на ферму.

– А вот и женихи наши, а мы-то думали, вы уже сено кидаете!

Фёдор подскочил к ним, ловко подхватил двух под руки:

– Сено-солома! А мы с вами знакомы? Меня Фёдором зовут!

– Ух ты, ишь ты, ухажёр-то какой! Небольшой, а шустренький!

– Мал золотник, да дорог!

Все «курсанты-трактористы» утрами, часов в пять, встречались либо по дороге, либо на скотных дворах. Девчата доили коров, парни убрали загоны и приносили сено на корма. После они всей компанией направлялись на учёбу в соседнюю деревню, которая находилась в трёх километрах от их села. Им нужно было успеть на занятия к девяти часам.

Ребята и девчата в первую половину дня изучали теорию, а после обеда разбирали и собирали двигатель и ходовую часть гусеничного трактора «Сталинец-60». Изучалось всё до мелких частей и деталей.

Николай разбирал и собирал узлы трактора автоматически, не вникая в основу работы двигателя, трансмиссии и системы передач, понимая, что Фёдор, видимо, прав. «Не быть мне танкистом. Вон в фильмах танкисты, как и лётчики, все небольшого роста. Значит, либо артиллерия, либо морфлот. В мае мне будет восемнадцать, значит, после посевной могут забрать на фронт – в июле-августе, а может, и после уборочной, как отца. Как он там? То, что отец попадёт в кавалерию, сомнений нет, в военкомате знают, что он был в конной армии. Увидеться в ближайшее время не придётся: до Барнаула далековато, из колхоза не уйдёшь, не отпустят. Может, на фронте потом увидимся? Хотя вряд ли!»

Домой возвращались поздно.

– Скоро дожди начнутся, а там и зима не за горами. Надо бы нам лошадь с телегой в правлении выпросить. Поди, дадут?

– Ты у нас, Коля, самый представительный, поговори в сельском совете, глядишь, и выделят...

После ухода братьев сразу проснулся и младший Гена.

– Ты чего так рано встал-то? Спи ещё, в школу-то рано.

– Да я, мам, пойду сейчас мордушки проверю да перемёты гляну.

– Поешь сначала.

– Потом, вот приду с рыбалки и поем. Дядя Архип, поди, уже на берегу с Петькой.

Генка убежал.

Прасковья стала убирать со стола, а думки её были о детях да о Леонтии. «Как он там, сердешный? А ну как убьют! Коля с Федей уже почти взрослые, теперь вот на механизаторов учатся, некогда им по дому дела делать, отойдут вскоре от семьи. Маша ещё совсем мала, вся мужская работа на Генку ляжет. Да она и сейчас на нём. И огород вскопать, и дрова заготовить, вон и крышу надо к зиме залатать, а годков-то ему всего двенадцать! Трудно будет, ох трудно», – думала про себя, а вслух о своих бедах и тревогах никогда и никому не говорила.

Подходя к речному затону, кое-где достигавшему в ширину метров сорока и с берегами, густо поросшими камышом, Геннадий увидел Петьку с дядей Архипом. Они уже готовились к добыче рыбы.

– Братья задержали, – скороговоркой оправдал свою задержку Гена и включился в рыбацкий процесс.

Вначале проверяли мордушки. Архип, не торопясь, вытягивал одну, а братья Гена и Пётр тащили вдвоём другую. Рыбу выкладывали в плетёные корзины, потом подвешивали жмых внутри мордушки и погружали её опять в воду. Опростав и закинув вновь с десятков мордушек, они приступали к проверке перемётов.

Процесс ловли рыбы увлекал, а утренняя тишина и водная гладь затона, подёрнутая серебристой дымкой лёгкого и прохладного тумана, действовали на ребят успокаивающе. В эти утренние минуты вблизи реки особо ощущалась тонкая грань между тенью и светом, открывалась тайна жизни: рождение нового дня. Казалось, что такая тишина и спокойствие были везде и нет никакой войны где-то там, далеко.

С первыми лучами осеннего солнца рыбалка заканчивалась, впереди предстояла работа по чистке, сортировке по размерам и засолке рыбы

в бочках. А пока уставшие рыбаки позволили себе небольшой отдых.

Архип достал кiset, соорудил козью ножку, раскурил её и, глядя вдаль за реку, заговорил:

– Вот так, сынки, и деды с отцами нашими рыбалили здесь. Когда я был такой, как вы, то тоже с братьями у дедов учился этому делу. Река тогда далее была да и шире чуток. Залив этот уже был, днями тут, бывало, мы такие чехарды с дружками устраивали, что о-го-го. Шумливые были, молодые... А дед-то ваш, отец мой, Сергей Лексеевич, заядлый рыбак, лучше его и рыбака-то в деревне не было. Уж ежели он пойдёт где сети ставить, так ты хоть рядом свою сеть забрось по ходу или после хода – всё одно рыба в его сеть пойдёт. Заговор знал, наверное. Вот Ванька, видимо, в него. И дед Лексей, говорили, тоже рыбак был! Может, и он вот так же на этом месте сидел, да смотрел на «за реку», да восход встречал, как мы сейчас. Может, ваши дети и внуки потом тоже здесь будут рассвет встречать да рыбу ловить. Только заводь эта лет через тридцать, наверное, в Обь уйдёт. Видите, как река течением забочу всё подмывает и подмывает.

Архип всегда что-нибудь вспоминал из прошлого и рассказывал ребятам, пока курил свою самокрутку. Ребята вопросов ему не задавали: кричать надо было по причине его глухоты после контузии. Да он и сам знал, что и когда рассказать, а слушать его истории было всегда интересно.

– Ну что, полюбовались утречком, понесём теперь женщинам улов готовить в засолку, а то вам скоро в школу бежать, а мне в кузню, кувалдой малость постучать для колхозных дел.

БАРНАУЛ. 1941-й

Вот уже больше месяца Леонтий находился в армии, в Барнауле, получая короткие и редкие весточки из дома: писали, что всё у них нормально, дети в школу пошли, уборочная закончилась, с зерном на зиму будут, грибы, огурцы и капусту засолили, картошки много накопили.

И вспомнилось Леонтию, как почти в это же время в 1937 году ему тоже не пришлось заниматься уборочной и подготовкой к зиме, а вынужден он был жить в городе у дядьки, материного брата, Туева. Он, Леонтий, коммунист и красноармеец-кавалерист, почти целый месяц скрывался от второго ареста.

Урожайный 1937 год стал тогда для колхозников великим трудовым испытанием. На уборку

обильного урожая были брошены все силы. Большую и трудоёмкую работу с раннего утра до позднего вечера выполняли женщины и девочки-подростки. Они вязали снопы, ставили их в кучи для последующего скирдования в клады, после чего производился обмолот кладей молотилками, а мужики-колхозники практически сутками находились в полях, на полевых станах, работая и днём и ночью, отдыхая попеременно по два-три часа в сутки. Леонтий был бригадиром одной из полеводческих бригад. С техникой было сложно, всего один трактор «Фордзон». Косовица выполнялась в основном конными жатками-лобогрейками и крылатками (жнейками-самоскидками). Пыль от них стояла над полем постоянно, не успевая осесть на землю. Привозной воды хватало лишь на приготовление пищи да немного промыть глаза, поэтому все были чёрно-серые от пыли и загара.

Леонтий на свой страх и риск отпускал тогда домой по одному человеку из бригады на пару-другую часов для помывки, а сам исполнял работу временно отсутствующего.

В субботний день во время обеда мужики решили отпустить своего бригадира в баню:

– Иди, Сергеич, домой. В бане спокойно помоешься, отдохнёшь нормально хоть разок. А утром завтра и вернёшься. Мы справимся, не подведём.

– Точно, справитесь?

– Да не сомневайся, иди. Вымотался за неделю! А мы тут ускорим жатку-то.

Ближе к ночи Леонтий направился домой, поглядывая на ясное вечернее небо: «Вёдро стоит устойчивое, без облачка, стало быть, успеем убрать пшеничку-то».

Часа через три он уже сидел дома за столом, отмытый и разгорячённый после баньки. Картошка в мундире, солёные грибы и огурцы стояли в ряд, аромат наваристой, аппетитной ухи, зелёного лука и укропа расслаблял.

– Ну вот, Паша, теперь можно и стопаря подулицу! Да грибочков с огурчиком! Хороший нынче урожай, Паша! Очень хороший. На трудодни будут зерно выдавать, с хлебом да с кашей будем, значит. Надо будет сусек подделать.

Вся семья сидела за столом, сыновья с серьёзным видом хлебали уху, годовалая Маша не спала, а вертелась у матери на коленях.

Ещё до рассвета по прохладе Леонтий возвращался на бригадный стан. Над полем стелился сплошной, приятно освежающий утренний туман.

Вдруг из тумана, как из воды, вынырнул прицепщик Ваня:

– Дядя Лёня, не ходите туда, там эти, в фуражках, приехали. Вас спрашивают.

– Чего ты мелешь? Кто приехал, кто спрашивает?

– Один из них ругается, говорит: «Куда он ушёл? Как он посмел бросить работу?» Говорит, что вас посадят. Дядя Лёня, мужики меня втихаря послали вас предупредить!

То, что посадят, Леонтий знал. Время сейчас тяжёлое, вон Егора Понагушина, кузнеца сельского, как забрали непонятно за что, так уже скоро третий месяц ничего о нём и не слыхать. Да и сам-то он, помнится, несколько лет назад целых семь месяцев ни за что отмотал!

Мысль сработала сразу: «Нужно рвануть в Барнаул, к родственникам матери, там отсидеться и поглядеть, куда эта чёртова кривая выведет! Город большой, может, и искать-то не будут».

Пробираясь до Барнаула Леонтий решил вдоль Оби: подальше от дорог, да и деревьев вдоль берега много. К утру следующего дня он был уже в городе. А пока шёл, всё время думал о том, кто же мог донести-то на него, да так быстро! «Ушёл-то со стана домой поздненько вечером, затемно, вроде ни с кем по дороге не встречался. Но кто-то же донёс. Догадка, конечно, есть. Но это – догад, а он не бывает богат!» – размышлял Леонтий.

Родственники приняли беглеца. А что же делать-то, сами в своё время вынуждены были уехать из Барнаула, скрыться от расстрела всей семьёй, правда, это было в 1918 или 1919 году! Свой своему поневоле друг.

На третий день Леонтий неожиданно попал в больницу: у него начался сильный жар, ломота пошла по всему телу, аж кости выворачивало. Лечили три недели, а там и в деревне, и в районе постепенно всё улеглось. И Леонтия по прошествии почти целого месяца никто не разыскивал. Выписавшись, он с больничной справкой, похудевший вернулся домой. Получилось, что его никто и не искал, и с работы он не сбежал, а лечился в больнице. Так вот и вышло, что судьба не дала его в обиду, а то пилить бы ему лес где-нибудь на Севере.

«Как интересно жизнь распоряжается судьбами человеческими, – думал Леонтий. – Вот у брата матери, Туева, тоже судьба поработала с выдумкой, судя по его рассказам». В далёкие 1890–1896 годы он проходил службу на Дальнем Вос-

токе, около года работал по домашнему хозяйству у флотского чиновника высокого ранга, уже довольно пожилого, обрюзгшего и очень вредного старикашки лет шестидесяти с небольшим.

Работа была разная: уборка двора, конюшни, уход за четырьмя добрыми рысаками, попутно дрова порубить и прочее. А жена у старика оказалась молодой и статной дамой тридцати одного года.

И матрос Туев стал замечать заинтересованные взгляды молодой хозяйки. Потом начались расспросы: «Откуда вы? Как служба идёт? Скоро ли домой? Матрос, помогите это, принесите то...»

Одним словом, однажды произошло то, что и должно было произойти между молодыми мужчиной и женщиной. Через пять месяцев, в течение которых молодые люди продолжали тайком встречаться, у Фёдора Туева закончился срок службы и он уехал домой в Томскую губернию, в село Павловск.

Прошло много лет, Фёдор переехал в Барнаул, женился, занялся небольшим делом при пароходстве: поставлял некоторые продукты питания для буфетов пароходства, мало-помалу скопил капиталец, выбился, так сказать, в люди. Потом приобрёл хорошую квартиру на первом этаже дома в районе речного порта.

А тут война, потом революция, после которой начались смутные времена в городе. Власть почти два года менялась, переходя от большевиков к белогвардейцам, шла Гражданская война.

В один из периодов очередной смены власти, в конце 1918 года, когда красные вновь захватили город, в квартиру семьи Туевых в сопровождении нескольких красноармейцев вошёл молодой комиссар. Пройдя в большую комнату, он сел на стул и осмотрелся.

Некоторое время внимательно рассматривал стоявших перед ним членов семьи, а потом спросил:

– Как ваша фамилия?

– Туевы мы.

– А вы служили в девяностых годах прошлого века на Дальнем Востоке?

– Да, служил.

– Всем выйти! – негромко приказал комиссар и после длительного молчания продолжил: – Значит, получается, что вы – мой отец! Знаете ли, а я представлял вас немного другим. Мать очень хорошо отзывалась о вас и долгое время думала, когда стала вдовой, что вы вернётесь. Только благодаря тому, что она вас любила, я посоветую вам забрать свою семью, самое

необходимое и сейчас же, немедленно покинуть город. Иначе вы будете расстреляны, как мироед и классовый враг, ваша фамилия – в расстрельном списке. Поспешите. Это всё, что я могу для вас сделать. Если будет нужно, я вас позже найду... Прощайте!

– А... ваша мать? Она...

– Она умерла пять лет назад. У вас мало времени! Через два часа мы будем здесь снова, так что у вас есть всего часа полтора на сборы.

На этом они расстались, и больше их дороги не пересеклись никогда.

Скорее всего, его сын погиб в том революционном огне. А тогда, при их встрече, всё произошло так быстро, что Туев даже не успел узнать ни фамилии, ни имени...

Почему-то именно эти воспоминания неожиданно всплыли из памяти Леонтия с такой ясностью, как будто это было вчера, и они придали ему уверенность в том, что и на этот раз его судьба сделает правильный ход и подскажет ему правильный путь.

НА ФРОНТ

В конце сентября пришло указание о прекращении встреч красноармейцев полка с родственниками: это означало, что скоро полк должен будет отправляться на фронт. Начался период ожидания приказа и подготовки к отправке, занятия продолжались, всё было вроде бы как прежде, но чуть по-другому. Вопрос, куда отправят, висел в воздухе. По ежедневным сводкам Информбюро, фашисты приближались к Москве. Значит, отправят под Москву!

В ноябре, после парада в честь Великой Октябрьской революции, полк погрузился в эшелоны и отправился на запад. Навстречу шли эшелоны с ранеными и гражданским населением, эвакуированным в тыл из фронтовой зоны. Железнодорожные станции напоминали муравейники из-за большого числа беженцев и военных.

Через несколько дней эшелон прибыл на станцию Чибсара Вологодской области, где в полк поступило небольшое пополнение из вологодских новобранцев.

Линия фронта была уже близко; немецкие самолёты периодически бомбили железнодорожные станции, деревни и дороги, по которым обе стороны шло движение: армейские части – к фронту, беженцы – в тыл. В этих условиях, приближенных к боевым, полк в ожидании особого распоряжения о дальнейших действиях усиленно продолжал боевую и конную подготовку.

Приближалась зима. Морозящие дожди, переходящие в мокрый снег, ночные заморозки да холодные ветра давали понять, что она не за горами. Поэтому у кавалеристов добавилось забот: нужно было готовить лошадей к зимним условиям и самим привыкать к зимнему снаряжению.

Во время ухода за лошадьми после долгих дневных тренировок Леонтий сказал мужикам:

– Да, братцы, похоже, майор прав был, когда говорил, что шашкой нам махать не придётся.

С его старшинством мужики как-то сразу согласились в самые первые дни их знакомства, воспринимали его слова как слова рассудительного и принявшего правильное решение человека. Видимо, это произошло из-за его мужицкой прямоты, спокойствия при разговоре, убеждённости в своей правоте и уверенности.

– Прав! И нужно нам сейчас больше учиться прятаться за лошадей и прыгивать на ходу. Падать с неё учиться, чтобы не переломать себе рёбра. Вот что я думаю. Скакать-то мы почти научились. Теперь прятаться будем учиться.

– Падать мы тоже хорошо научились, – пошутил Иван Бахарев.

– А сейчас, в морозы, вообще будем соскальзывать как пироги с лопаты, – поддержал шутку Алексей Обидин.

Все дружно рассмеялись и продолжили чистить и обтирать лошадей от пота, чтобы потом накрыть их попонами.

В середине декабря была объявлена боевая тревога, прошло полковое построение.

– Товарищи красноармейцы, на днях получен боевой приказ командования. В результате успешного контрнаступления войск под Москвой снята непосредственная угроза столице нашей Родины. Наша дивизия направляется на защиту и спасение города Ленинграда, попавшего в блокаду в начале сентября 1941 года. Город погибает от голода и холода...

Срочно погрузились в эшелоны, которым был дан зелёный свет в направлении северо-запада.

Вскоре выяснилось, что эшелоны направляются через Вологду на Волховский фронт, под Тихвин, где идут очень тяжёлые бои.

ВОЛХОВСКИЙ ФРОНТ. 1942-й

В начале января 1942 года по дивизии было объявлено, что она теперь входит в состав 13-го кавалерийского корпуса, командир корпуса – Николай Иванович Гусев. Корпус входит во

2-ю ударную армию. Главная цель 2-й ударной армии – прорвать блокаду Ленинграда.

Готовилась Любанская операция. Замысел этой операции заключался в том, чтобы ударом войск центра Волховского фронта (силы 2-й ударной и 59-й армий) и 54-й армии Ленинградского фронта прорвать плотную оборону противника, развить наступление и соединиться в районе города Любань, тем самым окружив и уничтожив большую группировку немецких войск в этом районе. Выполнение этой задачи давало бы нашим возможность в дальнейшем выйти в тыл немецко-фашистским войскам, блокировавшим Ленинград с юга.

Наступление началось 7 января. Оно велось в лесисто-болотистой местности в условиях сильного бездорожья, по глубокому снегу. В войсках не хватало автоматического оружия, транспорта, средств связи, продовольствия и фуража. В течение трёх дней наши войска пытались прорвать оборону немцев, но успеха не достигли. 10 января командующий фронтом временно прекратил атакующие действия частей. В этот же день у 2-й ударной армии появился новый командарм – генерал-лейтенант Н. К. Клыков.

На Волховском фронте были перегруппированы силы, сосредоточены армейские резервы. 13 января после полуторачасовой артиллерийской подготовки наступление возобновилось на всём участке центра Волховского фронта. К сожалению, только 2-я ударная армия имела основную и единственный успех в этой операции.

Её натиск, действительно, был страшен. Усиленные резервами, переброшенными с других участков фронта, войска 2-й ударной 17 января прорвали первый оборонительный рубеж противника. К концу января удалось вклинуться узкой полосой между деревнями Мясной Бор – Спасская Полисть, в расположение 18-й армии противника, и продвинуться вглубь немцев на 75 километров, перерезав железную дорогу Новгород – Ленинград. Передовые части 2-й армии вышли на подступы к городу Любань и охватили вражескую группировку с юга. Остальные армии фронта практически остались на исходных рубежах и вели тяжёлые оборонительные бои.

Между 2-й ударной и 54-й армией Ленинградского фронта оставалось всего 55 километров.

По прибытии на станцию Большой Двор спешным порядком была произведена разгрузка, и 236-й полк в составе 87-й кавдивизии конным

строем двинулся на Тихвин. Во время марша стало известно, что наши войска взяли Тихвин и успешно продвигаются к реке Волхов. Дивизия в составе 236, 241, 244-го кавполков продолжила марш на Волховский фронт походным порядком: все бойцы шли пешком, а на лошадях в седлах транспортировали боеприпасы и фураж.

– Ну вот, Леонтий, а ты – «падать учись, падать, чтоб рёбра не сломать!»! Второй месяц на лошадей не садились, – ворчал Иван Бахарев. – Эвон змеиногорцы за лошадей как спрятались, не то что немец – я их уже неделю не вижу и не слышу.

– Это они с лопаты соскользнули. Да затаились, чтоб табачком не делиться, – поддержал его Гриша Меньшиков.

– А чё, у них ещё табачок остался? Я бы прогрелся малость табачком-то. А то мороз гуляет под шинелькой.

Тридцатиградусные морозы, бомбёжки с воздуха и плохие дороги сдерживали передвижение дивизии, но тем не менее во второй половине января 1942 года она вышла на намеченные позиции. С 18 по 22 января дивизия находилась в резерве фронта в районе Большой Вишеры, где были сосредоточены достаточные силы для дальнейшего развития наступления.

После непродолжительного отдыха 26 января дивизия получила приказ выдвигаться в прорыв в район северо-западнее Мясного Бора и освободить от врага населённый пункт Ольховка. В дальнейшем наступать по направлению – Ольховка, Апраксин Бор и Любань. Не позднее 27 января перехватить шоссе, железную дорогу Чудово – Ленинград, а затем овладеть Любанью. С организацией обороны не связываться...

ПЕРВЫЙ БОЙ

Пришло время необстрелянной дивизии вступать в первый бой. Этим же днём 236-й кавалерийский полк впервые был атакован немецкой авиацией. Кавалерия бросилась врассыпную, но шедший всю ночь снег и глубокие сугробы помешали бойцам быстро рассредоточиться и укрыться от самолётов в перелесках и овражках. В результате более сорока человек были убиты и ранены, также было уничтожено несколько пулемётных расчётов.

По окончании воздушной атаки немцев полк, преодолевая бездорожье и глубокий снег, всё-таки атаковал деревню Ольховку.

Фашисты сопротивлялись отчаянно, у них было большое преимущество: хорошее вооружение и удобные, укрепленные пулемётные точки с отличным обзором для ведения боя. Одного они не знали, что их атакуют необстрелянные и наспех обученные бойцы – деревенские мужики.

В пылу боя Леонтий потерял из виду сотоварищей, только односельчанин Иван Бахарев держался рядом с ним. Они и ещё несколько бойцов, заскочив в деревню со стороны огородов, спешились, пролезли через разваленную изгородь, проползли по глубокому снегу и залегли возле бревенчатого сарая.

По всей деревне раздавались взрывы, пулёмётные и автоматные очереди. Пули, казалось, летели со всех сторон, не давая поднять головы.

– Так, Иван, ты помнишь, как на охоту в за-
боку ходил? Или ты не охотник?

– Да охотник я. Я же тебе уже говорил, что охотник. И чё?

– Так вот лежи и слушай. Понял?

– Чего слушать-то?

– Чего-чего! Откуда пуль больше летит, а откуда меньше. Это и слушай. И вы, мужики, глядите, где нам фрица лучше отстрелить, – сказал быстро Леонтий, а сам подумал: «Надо же, попали по самые уши как кур в ошип. Что делать-то? Где эти наши командиры? Куда наступать-бежать? Куда стрелять?.. Вот как, как в польмя бросили – и никого!»

Что предпринять, Леонтий не знал, а сдуру помирать большой охоты у него не было. Ждать надо, осмотреться. «Паша, Маша, Коля, Федя, Гена...» – как молитву, молвил он про себя.

Снег пошёл большими хлопьями, начинало смеркаться.

– Мужики, расползитесь хоть по сторонам-то чуток, кто-нибудь гляньте – в сарай можно залезть? И с того угла сарая посмотрите, чего там с той стороны делается. Может, пулёмётчика или пушку приметите.

Леонтий уже сосредоточил своё внимание на чердаке дома, находящегося метрах в двадцати от них, откуда пулёмётный расчёт немцев стрелял вначале в сторону сарая просто так, не видя их, а затем переместил размеренную стрельбу в улицу. Наверное, там залегли наши.

– Иван, видишь окно на чердаке?

– Вижу.

– Ты – лёжа, а я – с колена, стреляем на три. Бери в прицел чуть ниже и правой на локоть, я

возьму чуть выше и ещё правой! Потом ты сразу перезаряжай, бери чуть левой и ниже и сразу стреляй. Понял? На три. Раз, два, три.

Два выстрела слились в один, потом ещё вслед: бах, бах. Немецкий пулёмёт смолк. Леонтий, согнувшись почти до земли, побежал от сарая к дому, на ходу достал лимонку, кинул её в окно дома и залёг за крыльцом. Рядом плюхнулся Иван. Взрыв лимонки вынес оконные рамы, в избе никто не вскрикнул, значит, там пусто.

А по улице уже бежали красноармейцы, впереди них, с немецким автоматом, майор Романовский. Леонтий с бойцами двинулись вдоль улицы по огородам, осматривая сараи, погреба и дома. В нескольких погребах прятались жители деревни, выгнанные из домов немцами. В одном из погребов обнаружили старика со старухой, женщину лет сорока и трёх ребятишек, закутанных в разные платки и лохмотья. Прятавшиеся при свете зажжённой лучины смотрели на солдат обречённым взглядом. Леонтию стало не по себе от их вида, колкие мурашки пробежали по спине. Он представил на месте этих ребят своих детей. Да так ясно представил, что ему стало зябко. «Ну нет! Этого не будет никогда!» – дал он себе клятву.

– Как вы тут? Никто не ранен?

– Да нет, милоч, раненых нема. Холодно зато, только да боязно! Что ж вы их так далёко запустили-то?

– Ничего, мать, прогоним! Дайте только время обозлиться.

– Да вы уж их быстрее прогоните, что ли!

– Прогоним, прогоним, мать!

Стрельба не утихала, но показалось, что переместилось направление обстрела. Казалось, что прошла целая вечность.

На левом фланге начала стрелять наша пушка: это, видимо, взвод полковой батареи старшего лейтенанта Ващева блокировал дорогу на Вдицко и вёл огонь по ещё уцелевшим немецким пулёмётным точкам.

Через некоторое время в той стороне одна за другой умолкли три пулёмётные точки фашистов. Это позволило нашим подразделениям к 16 часам, до темноты, полностью освободить деревню Ольховку. Во время отступления гитлеровцев по дороге на Вдицко артиллерийский расчёт Степанова продолжал стрелять картечью по отступающим и уничтожил ещё несколько гитлеровцев.

После почти семичасового боя немцы спешно покинули деревню под прикрытием насту-

пившей темноты и продолжающегося снегопада. В таких условиях преследование врага было бесполезным. Командир полка майор Романовский отдал приказ закрепиться в Ольховке, собрать трофеи, тела убитых и отправить раненых в тыл.

Один из домов в центре села был занят под штаб полка.

Поздно ночью майор Романовский собрал командиров взводов и эскадронов. Он выглядел большим. Все командиры тоже были очень уставшие, но в приподнятом настроении, ведь это их первая победа в бою.

– Поздравляю, товарищи командиры. Вы и бойцы хорошо поработали. Знаю, что было трудно. Ещё трудней будет. Немец – он теперь обзвизился, что мы его в поля да леса загнали. Теперь ваша задача – собрать своих бойцов, раненых отправить в тыл, определить места сбора по тревоге, обеспечить связь и расставить караулы. Смена караула – каждые два часа. Исходя из результатов дневного боя проведите инструктаж взаимодействия бойцов по тактике ведения боя. Обеспечьте горячим обедом бойцов и население Ольховки и дайте отдых бойцам. – Оглядев присутствующих командиров, майор уже более бодрым голосом произнёс: – Молодцы вы, братцы, и красноармейцы молодцы. Первый бой выдержали достойно. Если нет вопросов, то все свободны. Поддержите добрым словом своих бойцов. Сбор здесь в шесть утра. Капитан Надирадзе, нужно установить связь с другими полками и штабом дивизии.

– Есть. Вам бы отдохнуть, товарищ майор! Плохо выглядишь, командир.

– Хорошо, часика два вздремну, потом разбуди. Пойду караулы проверю...

Справка

Георгий Александрович Надирадзе

Дата рождения: 1913 год.

В РККА с 1929 года.

Место рождения: Грузинская ССР, Ахалкалакский район, с. Килда. Доброволец. Капитан. До 07.02.1942 – замкомандира 236-го кавалерийского полка, с 07 по 09.02.1942 – и. д. командира 236-го кавалерийского полка.

После боя бойцы полка собрали свои первые трофеи: пять лошадей, повозки с фуражом и продовольствием. Были собраны тела убитых

немцев, более пятидесяти, и сложены в овражке за селом.

Погибших однополчан похоронили в ближайшей ложбине на краю села, но в другой стороне от немцев, молча почтили память. Это были первые потери тех, с кем ещё сегодня утром вместе завтракали, а днём бок о бок шли в атаку. Раненые были отправлены в тыл.

Ни среди погибших, ни среди раненых Леонтий с Иваном не нашли товарищей, только к утру отыскался Григорий Меньшиков. А Алексей Обидин и Яков Матвеев как пропали. Не объявились они ни на следующий день, ни в другие дни.

– Да, видимо, погибли наши друзья-однополчане Яков и Алексей.

– А может, в плен попали?

– А может, раненые лечатся теперь где-нибудь в медсанбате.

– Может, и так...

Не знали они тогда, что их сотоварищи А. Ф. Обидин и Я. Е. Матвеев погибли во время той первой авиабомбёжки в районе деревни Мясной Бор.

Справка

Алексей Фёдорович Обидин

Дата рождения: 1902 год.

Место рождения: Алтайский край, Змеиногогорский район.

Пропал без вести: 26.01.1942 в районе д. Мясной Бор.

Яков Ефимович Матвеев

Дата рождения: 1911 год.

Место рождения: Алтайский край, Змеиногогорский район, с/с Плосковский.

Пропал без вести: 26.01.1942 в районе д. Мясной Бор.

Ночь прошла спокойно; вымотанные за прошедший день бойцы, спавшие вповалку в нетопленных домах и сараях, утром просыпались с трудом. Огонь и костры жечь было запрещено. И никто из них не мог себе представить, что эту ночь те, кто останется в живых, до весны будут вспоминать как райскую. Больше такой спокойной ночи у них просто не будет...

Связь со штабом была налажена. Майор Романовский всю ночь ходил по Ольховке, проверял караулы, заходил в дома, где отдыхали солдаты. В некоторых домах были и хозяева, которые не эвакуировались перед приходом немцев, вчерашний бой пережидали в погребах.

– Сынок, как же дальше-то жить будем? Неужели под немцем останемся, когда вы уйдёте? Ох, страшно-о-о!

– Нет, мать, не останетесь, мы их побьём всё равно.

– Да уж хоть бы. Деточек-то жалко...

В душе майора всё перевернулось, что-то больно кольнуло в груди и заныло под лопаткой, в голове запульсировало. Что он мог сказать этой старухе, этим деревенским тёткам и старикам? Он и сам не знал, что будет дальше. То, что Красная армия победит, это было ясно. Но когда это будет? Не знал про то майор Романовский. Враг силён.

Вдруг его голову сковала широким кольцом тягучая боль, в глазах на какое-то время потемнело, потом темнота отошла. Но что-то странное стало со зрением: перед ним стояли люди в разном цветовом изображении. Его заместитель капитан Надирадзе выглядел как обычно, а вот местные жители были как на чёрно-белом фото. «Что за наваждение?» – мелькнула мысль у майора. Он тряхнул головой, закрыв и открыв глаза. Голова кружилась, а перед ним стояли обычные люди. «Следствие контузии, наверное», – подумал он.

– Всё будет нормально, мать, – как-то не совсем уверенно сказал майор, выходя из дома. – Нор-маль-но... всё... будет...

Проходя мимо одного двора, майор увидел знакомого бойца, раздетого по пояс, обтирающегося снегом.

– Вроде Леонтий тебя зовут, боец? Не простынешь в такой мороз раздетым?

– Да нет, товарищ майор, я привыкший. Дома-то каждую субботу в баньку да в прорубь раз по несколько. И ничего.

– А где твои друзья-товарищи? Все живы? Что-то не видать.

– Да вот двоих пока нет. Ни в раненых, ни в убитых. Заплутали, может, где, вон какая метель вчера была. А может, и того хуже.

Из дома вышли два бойца и подошли к ним.

– Здравия желаем, товарищ майор.

– Здравствуйте, бойцы, кажется, Иван и Григорий. Вот смотри, капитан, про этих бойцов я тебе и говорил тогда в Барнауле. Сообразительные бойцы.

– Помню.

Вдруг в голове майора опять что-то щёлкнуло, на какой-то миг он увидел, что два бойца рядом с Леонтием выглядят как на чёрно-белом фото.

– Скоро в бой, держитесь вместе, бойцы.

Майор с капитаном вернулись в штабную избу. Вскоре собрались командиры взводов и эскадронов.

– Подведём итоги вчерашнего боя. Слушаю вас, товарищ капитан.

– Наши боевые трофеи 27 января 1942 года составили: пять лошадей, повозки с фуражом и продовольствием. В деревне собрано более пятидесяти тел немцев, за деревней, по дороге на Вдицко, полковой батареей уничтожено ещё около двадцати фашистов. Согласно спискам от командиров взводов, в бою отличился командир четвёртого эскадрона старший лейтенант Е. С. Заровный, он первым ворвался в деревню, был дважды ранен во время атаки, и только после третьего тяжёлого ранения его вынесли из боя. Лично он уничтожил две огневые точки и двенадцать фашистских солдат. Отправлен ночью в тыловой госпиталь. Красноармеец Строгов один из первых ворвался в деревню со станковым пулемётом и уничтожил до десяти солдат противника. Красноармеец Степанов, наводчик полковой батареи, – это он уничтожил около двадцати гитлеровцев на дороге на Вдицко. Также в бою отличились сержант Леонов, замполитрука Мартынов, красноармеец Бобков, старшина первого эскадрона Пометко, красноармеец Гуляев. Наши потери составили до начала боя, во время авиационной бомбардировки вчера утром, в общей сложности пятьдесят два человека: одиннадцать – ранено, тридцать два – убито, девять – пропало без вести. Во время боя в деревне Ольховка погибло двадцать шесть, ранено пятнадцать.

– Так, ясно. Потери большие. Но это война, враг сильный и хорошо обученный. Так что, товарищи командиры, постоянно ведите разъяснительную работу среди бойцов, подсказывайте и обучайте по возможности. Теперь о главном: нами получен приказ в течение двух дней провести глубокую разведку в направлении Ольховские Хутора – урочище Кривенский Мох – Сенная Кереть. Проводя разведку, смотрите своих не постреляйте: в районе Вдицко находится в наступлении 240-й полк, а в районе Новой Деревни – 241-й. До особого распоряжения наш полк закрепляется в Ольховке. Командирам взводов обеспечить караульную службу. Бойцам, находящимся на отдыхе, привести оружие в боевую готовность, отдохнуть, накормиться. По сведениям дивизионной разведки, немцы устроили укрепленные блиндажи и дзоты. Нужно разведать их

56

точное расположение, подходы к ним. В Ольховке решено расположить тыловые службы дивизии, стало быть, после разведки мы будем наступать. А вот куда – дождётся приказа. И ещё раз напомним вам о необходимости вести с каждым бойцом личную беседу, инструктировать его, как ему действовать. Вопросы есть? Нет. Тогда все могут быть свободны.

РУЧЬИ. АПРАКСИН БОР

28 января 236-й кавалерийский полк получил приказ выдвинуться в наступление на деревню Ручьи. 30 января полк подошёл к окраине деревни, справа было село Крапивно, слева Червинская Лука, но овладеть Ручьями полк не смог. В этом районе немцами были созданы прочные укрепления. Дзоты вокруг деревень, пристрелянные артиллерией участки территории со стороны района Апраксин Бор задержали наступление полка.

Это было серьёзнее боя за Ольховку. Как выяснилось после нескольких неудачных атак, днём вести наступление не представлялось возможным: почти полное отсутствие дорог, глубокий снег, покрывающий толстым слоем огромные территории, болота, неглубокие длинные балки и ложбины полностью парализовали кавалерию.

После полученного приказа спешиться конноводы отвели лошадей в перелески. Спешенные кавалеристы предприняли атаку, но глубокий снег не давал возможности быстро атаковать. На открытом пространстве они стали отличной мишенью для немцев, засевших в дзотах. Артиллерия немцев размеренно обстреливала подходы к Ручьям. Перед немецкими позициями всё было изрыто снарядами и устлано трупами бойцов. Тяжело раненные, потеряв сознание, просто замерзали, легко раненные пытались ползти через эти трупы и погибали от пулемётных очередей из дзотов.

В дневных боях красноармейцы забирались в воронки и прятались за трупы. Леонтий с Григорием и Иваном завалились в ближайшую воронку. Пули свистели над головами, а впившиеся в мёрзлый грунт рядом с воронкой шипели, как ядовитые змеи, растапливая снег и лёд. Недалеко от их ненадёжного и маловатого для троих убежища лежали несколько мёртвых бойцов, иногда чуть пошевеливающихся от попадавших в них пуль.

– Хотя это и не по-нашему, но надо бы их поближе к воронке подтащить, бруствер защитный сделать. Да простят нас ребятки!

– Ты что, Леонтий, всерьёз это?

– Всерьёз-всерьёз, куда уж серьёзной. Им уже не помочь! Нету их, понятно? Нету! Нас ежели убьют, пусть другие так же сделают. Спрятавшись за них, мы хоть ещё повоюем, постреляем нескольких фрицев. А шальной пульей нас убьёт – каков толк от того? Мне тоже ребят жаль, но мы тут в бою все на равных под пулями! Так вот я мыслю. В Гражданскую мы так делали.

Стрельба прекратилась, как показалось, внезапно. Кое-где в отдалении, то справа, то слева, потявкали короткие очереди, но вскоре и они смолкли. Звенящая тишина накрыла колючим холодом. Мороз, который не чувствовался во время обстрела, стал предательски залезать под одежду, колоть лицо. Ветер нёс по полю снежную пыль, смешанную с землёй, поднятой снарядами.

– Судя по затишью – полдень: обед, наверное, у фрицев, – откашлявшись, произнёс Леонтий. – Пора нашу задумку исполнить, а то до темноты ещё далеко, а как начнёт немчура прицельно стрелять, то нам мало не покажется.

Над полем с левой стороны глухо неслась от воронки к воронке команда:

– Приказ командира. До темноты не атаковать, в ночь отойти на исходные позиции. Дальше по цепочке передать!

Григорий, лежавший на боку, тоже заорал в правую сторону:

– Приказ командира: до темноты не атаковать, в ночь на исходные позиции отползать. Дальше передать!

– Чего орёшь-то?

– По цепочке передаю!

– Вообще-то в приказе отойти сказано, а не отползать!

– Видишь ли, Леонтий, рифма такая получается: атаковать – отползать – передать!

– Твою мать!

– Это в приказ не вписывается!

– Ну вот, ожили в тишине, это хорошо. Похоже, у нас минут тридцать есть, чтоб укрепить воронку до следующего обстрела. Так что давайте поспешать. Я вылезаю, хватаюсь за тело, а вы меня быстро втаскиваете в воронку. Ясно?

– Ясно, ясно.

– Тогда начнём. Только быстро меня тащите.

Леонтий высунул шапку из воронки, подержал некоторое время. Тишина. Никто не стрелял. Тогда медленно, вжимаясь в снег, он выдвинулся

навстречу смерти, вытянув руки вперёд, пополз ужом, бороздя щекой колючий снег. Двадцать сантиметров, полметра, метр. Сердце колотилось так, что казалось, немцы в дзоте слышат этот стук. Руки уткнулись в мёртвое тело.

Зацепившись замёрзшими пальцами за одежду убитого, Леонтий прошептал:

– Прости, браток! Не по-нашему это, но так уж вышло. – А потом сказал чуть громче: – Тащите, мужики!

Тянули, казалось, медленно.

«Вот сейчас фрицы начнут стрелять... Вот сейчас!» – пульсировала мысль в голове. Но стрельбы не было. Снег забился под ватник, шапка снялась с головы и тащилась между рук. Вскоре Леонтия втянули в воронку. Труп лежал на краю, его лицо было повернуто к бойцам, заледневшие глаза смотрели в упор.

– Закройте ему глаза-то! Да простит он нас за это, – сказал Леонтий, выгребая снег из-под ватника. – Надобно ещё одного подтащить, надёжней будет. Сейчас малость передохну, и повторим.

Со вторым убитым тоже прошло гладко.

– Документы, Гриша, надо бы забрать у ребят и медальоны... Ну вот, от пуль мы чуть схватились, а уж если снаряд упадёт – значит, судьба!

Полуденный мороз не отпускал, небо было затянуто серыми тучами. Лежать в тесной воронке, даже прижавшись друг к другу, становилось холодно. До наступления темноты было часа три. Эти часы могут стать последними для многих. Вдалеке послышался шум немецкого самолёта-разведчика.

«Сволочь! Сейчас рассмотрит всех нас сверху, а потом артиллерия накроет. И всё!» – подумали многие в тот момент.

После проведённой авиаразведки немецкая артиллерия начала размеренный обстрел. Несколько снарядов разорвалось неподалёку от их укрытия. Вот справа: бух-бух, потом слева и прямо чуть ли не у них в головах: бух. В ушах стучало глухо: бум-бум-бум. А тело убитого бойца скатилось им на головы... Примерно через час артиллерийская стрельба прекратилась так же неожиданно, как и началась.

Снежная и земляная пыль, перемешанная в морозном воздухе, провонявшем дымом, пороховой гарью и болотом, медленно опускалась на поле, а ледяная земля гудела и вибрировала, как от боли.

«Живы! Живы, опять живы!» С этой мыслью Леонтий пошевельил правой рукой, стяхнув землю, потрогал рядом лежащего Григория. И как будто издали услышал приглушённый голос:

– Чё ты меня лапаешь? Я ж тебе не девка. Живой я, живой!

– Фу ты, балабол.

Слева стал приподниматься Иван, трясая головой.

Леонтий придержал его:

– Иван, лежи! Не вставай. Ну слава богу, живы.

Придя в себя, они сообща вытолкнули тело убитого из воронки. Начало темнеть. Немцы короткими очередями постреливали из дзотов.

Под покровом ночи оставшиеся в живых ползком покидали поле боя, забирая у убитых винтовки и обоймы с патронами, тем самым пополняя свои скудные запасы: патронов бойцам выдавалось по одной-две обоймы, это десять патронов на одну винтовку!

Руки и ноги после многочасового лежания на морозе практически без движения отказывались выпрямляться и сгибаться.

Иван, Григорий и Леонтий, подталкивая друг друга, с трудом выбирались из своего укрытия. Только сейчас они ощутили настоящий холод, который пронизывал до самых костей. Стёганные штаны и фуфайка не спасали от мороза. Зубы стучали от холода и расслабления после нервного напряжения. «Ползти, ползти», – пульсировало в голове. Стыда оттого, что они отползают от немецких позиций, не было, было непонимание ситуации...

«ПОДСНЕЖНИКИ» И ДЗОТЫ

Отойдя на исходные позиции, до ближайших перелесков, куда не могла достать артиллерия немцев, уцелевшие бойцы полка, получив приказ командиров рассредоточиться и окопаться, разгруппировались по своим отделениям, взводам и эскадронам и стали готовиться к затяжному ожиданию то ли наступления, то ли обороны.

При сорокаградусном морозе о выкапывании щелей или окопов в земле не могло быть и речи, поэтому из воронок устраивали своеобразные землянки, накрывая их сосновыми ветками, сооружали шалаши, тоже из веток, засыпали сверху снегом.

Сложнее было спрятать лошадей.

В глубине роци сделали несколько десятков укрытий. Полку был дан приказ: рассредоточить-

ся небольшими группами по три – пять человек на расстояниях пятнадцати метров друг от друга, до утра полностью подготовит и замаскировать убежища, так как утром немецкие самолёты-разведчики обязательно будут изучать местности и определять квадраты для бомбёжки и обстрела.

Леонтий с товарищами Иваном и Григорием решили оборудовать укрытие в длинном овражке на окраине перелеска, максимально близко к деревьям, по всем правилам сибиряков-охотников. Работали молча. Выкопали в плотном, слежавшемся снегу под небольшим углом лазуглубление до твёрдого дна овражка, установили плетёную еловую лесенку, расчистили вглубь в виде кувшина пещерку и устелили дно мелкими сосновыми ветками, более толстыми укрепили потолок, а снаружи еловыми ветками обозначили условный периметр своей «берлоги». В дальнем углу оставили место для разведения огня: воду вскипятить, погреться при случае. Под утро, съев по сухарю, голодные и уставшие, но согревшиеся от работы, прикрыв вход сплетённым из веток творилом, прижавшись друг к другу, они заснули.

Снаружи лютовал буран; морозный, колючий ветер заносил снегом тела погибших во вчерашнем бою, прикрывал ночные следы живых и места укрытий красноармейцев.

После окончания немцами артобстрела бойцы выползали из своих укрытий для ночного наступления. Командиры отделений собирали оставшихся в живых бойцов.

– Бойцы, перед нами поставлена задача: уничтожить противника в дзотах, прорвать его оборону и удержаться на занятых позициях. К нам на помощь идут две стрелковые дивизии. До их подхода будем удерживать занятые позиции. Задача ясна? Далее, бойцы, при продвижении необходимо проверять воронки и овражки, возможно, там могут быть раненые. В ночную атаку пойдём пешком. Всем проверить оружие, обмундирование, обувь. Выступаем через час.

В отделении Леонтия осталось семь человек вместе с сержантом.

– Ещё не воевали, а уже шестерых нет.

– Кто знает, что дальше будет.

– Бойцы, во время атаки держитесь в трёх-четырёх метрах друг от друга. Без особой надобности не стрелять. Передвигаться перебежками, используя естественные укрытия: воронки, расщелины. Выйдя на позиции, оцениваете обстановку и ждёте моего приказа.

Шли молча, в голове ещё гудело от вчерашних взрывов. По ходу проверяли воронки, частично занесённые снегом. В некоторых в разных позах лежали бойцы, одни были убиты, другие, возможно, просто замёрзли, будучи тяжело ранеными или без сознания. Страха и жалости не было, была обида. Обида на то, что вот так может через минуту или час упасть и лежать лубой из них.

«А фашист сидит в дзоте и ждёт свою мишень, – думал Леонтий. – И когда же они успели так быстро дзоты понастроить? Как узнали, что именно здесь надо строить, что здесь будут бои? Ну нет, я так просто не дамся! Паше и детям пообещал живым вернуться». Впереди на чёрном горизонте вырисовались шапки дзотов.

По цепочке пришла команда: «Бойцы, максимально приблизиться к рубежу противника. Залечь и подготовиться к атаке».

Где короткими перебежками, где ползком продвигались бойцы, защищённые ночной метелью. Леонтий чувствовал приглушённое дыхание Григория и Ивана справа и слева от себя. Как-то неожиданно шум и завывание метели разрезали пулемётные очереди слева из дзотов. Леонтий ткнулся в снег, стараясь глубже вмяться в него. Тут же началась стрельба по всей линии и перед ним прошипели пули, расплавляя снег.

Следующая очередь просвистела сзади, кто-то глухо простонал и умолк. «Пристреляли местность, сволочи. Ровно кладут. Ну нет, нас так просто не возьмёшь!» С этими мыслями Леонтий резко продвинулся вперёд на метр, буравя снег впереди себя, и свалился в воронку. Сзади, где он только что лежал, простучали пули, вспарывая мёрзлую землю.

Прикладом винтовки обстучав край воронки, Леонтий оборудовал себе позицию для стрельбы. Впереди, метрах в сорока, над снежным полем торчал дзот, из которого размеренно вёлся пулемётный обстрел. Периодически с немецкой стороны взлетали белые ракеты, освещая вспаханное взрывами поле и цепочки немецких дзотов, простреливающих свои сектора. Прямая атака была невозможна.

– Леонтий, ты здесь? Живой? – донёсся до него справа голос Григория Меньшикова.

– Живой! Ты как?

– Я тоже пока нормально. Вот жмёт немчура, совсем патронов не жалеет!

Ночные вылазки в наступление приносили мало пользы. Подползали максимально близко

к немецким позициям и лежали в ожидании появления случайного фашиста в поле выстрела и в бойнице дзота. Иногда предпринимались атаки, но немцы открывали пулемётный огонь, и приходилось с потерями отходить на позиции, недоступные обстрелу.

Нужна была артиллерия и поддержка авиации. Но ни того, ни другого не было.

Буран всё усиливался, засыпая лежащих красноармейцев. Немецкие дзоты скрывались из виду в снежной круговерти и потому ещё интенсивней стали вести обстрел.

Над воронкой, где находился Леонтий, возник заснеженный взводный Никонов:

– Живой? Не уснул, случаем?

– Живой.

– Приготовиться к атаке, самое время. Метель нам помощница. По сигналу ракеты – в атаку.

Взводный так же быстро исчез, как и появился.

Погладив винтовку и взяв её удобней, Леонтий изготовился к атаке.

Пулемётные очереди ложились дружно, размеренно взрыхляя мёрзлую землю, разлетавшуюся ледяными брызгами.

«Много же у них патронов заготовлено, строчат без остановки! А у нас тут по десятку на брата!» – думал Леонтий.

Справа донёсся голос Григория:

– Леонтий, сколько это у них патронов-то? Хоть передохнули бы, что ли!

– Про то же сейчас думал. Готовься, скоро сигнал подадут.

– Готов уже.

– Слышь, Леонтий, если что, ну, убьют меня, ты не бросай здесь, хорошо?

– Не дури, Гриша, прорвёмся. И мысли эти брось!

По сигналу ракеты бойцы цепочкой двинулись к дзотам. Те, кто встал в полный рост, были положены сразу. Те, кто выдерживал по несколько секунд после пулемётной очереди, сумели мелкими перебежками приблизиться к дзотам метров на тридцать. В ход пошли гранаты. Где-то справа, вдалеке, осветился от взрывов боеприпасов сначала один, а немного погодя и второй немецкий дзот.

Внезапно Леонтий ощутил кусающую и жгучую боль возле рёбер в левом боку и упал, боковым зрением увидев, как какой-то боец слева от него резко остановился и, словно ударив-

шись о невидимую преграду, медленно опустился на колени, уронил винтовку, уткнулся лицом в снег.

Жжение под мышкой растекалось тёплым и липким.

Леонтий пошевелил пальцами руки, потом слегка рукой. Всё работало. С облегчением подумал: «Значит, скользом прошло и нужно остановить кровь». Перевернувшись на спину, он расстегнул ватник, достал кисет с махоркой и положил его на рану, прижав рукой. В голове стучало и шумело.

Подполз Григорий:

– Леонтий, ранен? Куда? Давай перевяжу.

– Да уже. Махоркой перевязался!

Немцы перенесли пулемётный обстрел на ближайшие подступы к своим позициям. Немецкая артиллерия молчала, видимо, чтобы не попасть в свои укрепления, но атака прекратилась: был получен приказ снова отойти на исходные позиции, забирая раненых и оружие убитых.

Позже к Григорию присоединился Иван и они сопроводили Леонтия до полевого госпиталя, который располагался в перелеске недалеко от их «берлоги».

В госпитальной палатке было много раненых; одни громко кричали, кто-то стонал, а кто-то сидел молча, закусив от боли губы до крови.

Молоденькая медсестра обработала и перевязала рану, вернув окровавленный кисет:

– Вы правильно сделали, что вот так остановили кровотечение и обеззаразили рану. Я сразу и не додумалась бы до этого.

– Махра, дочка, давнее средство лечебное. У нас в Сибири все про то знают. Не раз выручала, даже зубную боль вмиг снимает. Ну спасибо тебе, дочка. Подлечила. Пойду я.

Пока Леонтий был на перевязке, Григорий с Иваном проведали своих лошадей и узнали новости прошедшего боя.

– Представляешь, Леонтий, молодой лейтенант Малахов, помнишь? Это он целых два дзота забросал гранатами.

– Не помню, но молодец лейтенант! Григорий, ты шлындаешь везде и всех знаешь. Как там кони? Седого-то видели?

– Нормально всё. Коневоды ухаживают, блюдут службу справно. А Седой твой так вообще красавчик! А ещё говорят, что нам на смену подходят две стрелковые бригады. Не обманул взводный. А мы, значит, почти в тыл отойдём на отдых и пополнение. Живы пока, слава богу!

60

– И когда ты, Гриша, всё успеваешь вывести? Прямо дар у тебя на новости.

– Планида у меня такая, Лёва. А лейтенанту, наверное, орден дадут, это точно, не меньше! Два дзота за раз завалить! А мы вот по амбразурам стреляли... А интересно, хоть одного фрица свалили? А? Как ты думаешь, Иван? Попал в кого-нибудь?

– Можя, и попал, почём я знаю? Стрелял вроде точненько в дырку.

– В дырку это ты в сортире стреляешь, а у дзота – амбразура! Усёк, Ваня?

– Григорий, ну ты и ботало, у меня прямо от смеха повязка сползает.

– Смех, Лёва, это хорошо! Раны быстро заживает. Всякие – и тельные, и душевные! А вот ещё, братцы, более всего заживает раны, всякие дела там – борщец с мясом да капустой! Может, сегодня-то покормят горячим, пятый день сухаря жуём.

По морозному воздуху и впрямь растекался приятный запах от полевых кухонь...

Ночные наступления в течение недели (при сорокаградусном морозе, господстве немецкой авиации и практически без прикрытия нашей, полном отсутствии артиллерии и миномётов) не приносили успеха. Но кавалеристы в спешном строю наносили определённый урон противнику, хотя и сами несли большие потери. После ночных наступлений оставшихся в живых отводили на исходные позиции и там кормили.

Ряды бойцов полка после сегодняшнего боя ещё заметней поределли.

МАЙОР РОМАНОВСКИЙ

На второй день февраля на помощь конникам и для их смены стали подходить 58-я отдельная стрелковая бригада и 57-я отдельная бригада. А за ними двигалась 191-я стрелковая дивизия. На правый фланг этих соединений к Сенной Керести выходила 4-я гвардейская дивизия генерал-майора Андреева. Через горловину Мясного Бора в прорыв втягивались всё новые и новые части.

– Ну, что я говорил? Смена подошла. Отдельные стрелковые бригады, да ещё с лыжниками. А то мы на копытах – никак!

– Ну и добре. Теперь дело пойдёт.

– Конечно, пойдёт. Вон и майор наш говорил на построении, что мы выполнили большую задачу, вон какие просторы заняли и сдерживаем. Погибло, правда, много... А вы обратили внима-

ние? Как-то плохо майор выглядит. Измотался весь? Мы, правда, тоже не подарки, но он чего-то того, здорово сдал.

– Заботы много, вот и сдал. Весь спрос-то с него.

Днём бойцы повзводно около часа проходили политобучение, но в основном находились в своих ненадёжных укрытиях: от ветра и мороза немного спасало, а вот от случайного попадания бомбы с самолёта не спасло бы. В этом случае как бог указывал, туда и судьба поворачивала. Больше холода досаждал голод: продукты в полк поступали с большой задержкой. Выручал иногда постный бульон, приготовленный поварами из конины, да чай из хвои и коры. И чтобы отвлечь себя от нудного урчания в животе, разговаривали.

Леонтий уже почти поправился. Даже опять стал обтираться снегом по утрам. Григорий это быстро подметил, а долго молчать он не мог.

– Дюжий ты, Леонтий! Как на собаке всё быстро зажило. У нас в деревне тоже один дед, ему лет сто, наверное, никто не знает точно, а он не говорит, живёт бобылём на окраине. Всё травки собирает, отвары какие-то лечебные варит. Вся деревня к нему ходит за отварами этими при хворобах разных. Помню, один раз он шипом боярки веко под глазом разорвал, так дня через два ничего и не видать было. Чисто, даже шрама не осталось. Во дедок какой! На него даже собаки не лают, уважают. Так и у тебя мясо с руки и боку снесло, а глядишь, уже как и ничего. Чудно!

– Так к нему, поди, ещё и девки ходят?

– Вань, вот насчёт девок не скажу. Не знаю. А некоторые молодки, после сорока, одинокие вдовушки, заходят. Совета спросить, поговорить, наверное.

– А чё, моложе-то не могут найти? Мужиков, что ли, больше нет? Вот ты, например, чем не мужик?

– Понимаешь, Вань, у нас в деревне бабы дородные, дюже серьёзные собственницы. Если что не так, сразу в глаз или кочергой. Не допускают, понимаешь, нашего мужика к блуду. Сами ни-ни и нам не моги! Такая вот у нас идиллия в деревне. Бывали случаи, случались редко, так вся деревня собиралась концерт посмотреть, комедь сплошная. Часа на три хоро-вод.

– Не, у нас проще. Хотя тоже на показ не побежишь, а так бывает.

67

– Леонтий, а как у вас в деревне народ поживает?

– Да живут как все, как везде, наверное. Я вот тут вспомнил чего: мне сорок два года, а уже, считая, пятая война: Русско-японская, германская, Гражданская, Советско-финляндская и вот эта, опять с германцем. Вот сижу и думаю: в Русско-японскую немного мужиков воевало из деревни, человек двенадцать. Погибло трое. В германскую уже тридцать два убило, в том числе и брата моего старшего, Савелия. А в Гражданскую человек сорок колчаковцы порубали – и молодых, и старых, в Советско-финляндскую убило четверых. Вот я и думаю: сколько в этот раз нашего брата поляжет, скольких бабы не дождутся да сколько детишек сиротами станут? Вот и думаю. А ты, Гриша: бабы да девки!

– Да то не я, Леонтий, то жизнь говорит. Вот убьют нас тут, а жёнкам-то как жить одиноким да молодым без мужика? Вот и думаю тоже, что внесёт эта война коррективы жизни и в мою деревню. Бабы ж без мужика всё равно не смогут. Особо молоденькие, которые овдовеют. Чего им-то делать, коли мужиков им хватать не будет? Вот он и расклад жизненный.

– Тут ты прав, не спорю. А ещё я вот что думаю...

Наверху заскрипел снег, и творило из еловых веток отодвинулось.

– Здравия желаю, бойцы, спуститься к вам можно? – Это был голос хоть и охрипший, но узнаваемый, голос майора Романовского.

– Заходите, товарищ майор.

В углу «берлоги» тускло мерцала коптилка.

– Нормально обустроились. – И немного погодя, привыкнув к полумраку, узнал старых знакомых: – Это вы, братцы! Вот как мы с вами частенько встречаемся. Накурено у вас добре.

– Так теплее, товарищ майор. Покурите? – Григорий протянул командиру самокрутку. – Вот по кругу обогреваемся.

Майор затаился и закашлял:

– Что-то махра у вас крепкая...

– Так боец Гуляев её своей кровью смочил, чтоб крепче за душу хватала.

– Что, ранен?

– Скользом, товарищ майор. Всё нормально.

– Ага, скользом. Подмышку насквозь прошило, теперь подсвистывает.

– Да ладно тебе, Гриша, балаболить! Мы вот тут, товарищ майор, говорили с мужиками про войны эти бесконечные. Вот, к примеру,

в Русско-японскую у нас отцы и деды из деревни воевали, так потом долго вспоминали о бездарности и безграмотности царских полководцев, которые проявились во время военных действий. Наш сосед, отец моего друга детства, Илья Волков, тоже часто вспоминал о том, как они, молодые солдаты-сибиряки, были на маньчжурских полях брани практически безоружны. Как вместо винтовок и снарядов к орудиям им привозили иконы, а люди были беззащитным пушечным мясом... И на германской у нас в деревне много кто погиб, а многие калеками вернулись. Тоже говорили, что всё было плохо и с оружием, и с питанием. Вот и сейчас мы по десятку патронов имеем, про еду я уже и не говорю. Немец под Ленинградом и Москвой. Как он быстро добрался-то! Как-то не так опять получается, что ли?

– Прав ты, Леонтий. Во многом прав. Не всё предусмотрели, много дров наломали, доверившись некоторым да и заверениям гитлеровским. Но вот что, мужики. Время сегодня тяжёлое, лучше не затевайте эти разговоры, особенно с кем попало, всякое может быть. Народ у нас разный. Со мной можно. Про себя думайте, а вслух не надо! Всё образуется, армия и народ у нас сильные, выдюжим. Заводы военные заработали на полную мощь, так что скоро сломаем хребет фашисту. Обозлиться только надо. Ну да ладно. Хорошо с вами, прямо отдохнул, как дома побывал, дальше двину. Скоро снова в ночную атаку пойдём, отдыхайте пока. А вообще, братцы, обозлиться надо крепко на немчуру! Надеюсь, что ещё увидимся, братцы-славяне!

Майор ушёл, а мужики ещё некоторое время сидели в тишине, молча докуривая самокрутку.

За неделю ночных боёв, преодолевая с трудом многочисленные снежные заносы на своём пути, где спешенными, а где в конном строю, измотанный 236-й кавалерийский полк, страдающий от отсутствия боеприпасов, продуктов и фуража, находясь в полной оторванности от тылов где на пятьдесят, а где и на добрую сотню километров, наконец-то закрепился в селе Конечки. Там и пришла малоприятная новость: командир полка майор Романовский не выдержал нервного напряжения, сошёл с ума и был отправлен в тыл.

– Ну вот, я же говорил, что мне не нравится вид майора. Жалко, хороший мужик был, – почувствовал Леонтий, как узнал весть.

62

– Ну почему «был»? Подлечат, подправят. И опять в бой, – отвечали ему.

– Вряд ли. Хотя всё может быть в нашей жизни. Неисповедимы пути... Вот неделю назад мы думали: в тыл на отдых отойдём, а километров триста отмахали за это время. Сегодня, видимо, опять не сильно придётсЯ отдохнуть. А командир у нас теперь капитан Надирадзе, тоже мужик вроде бы ничего, дельный. А то что молчаливый, так это и хорошо, значит, спокойно всё обдумывает, размеренно.

В ДЕРЕВНЕ. СЕМЬЯ

Во сне Прасковья увидела мужа, почему-то стоявшего посреди серого снежного поля, в расстёгнутой нараспашку фуфайке и с непокрытой головой, она даже почувствовала холод колючей метели, которая рвала одежду и сильно трепала его густые волнистые волосы. Леонтий стоял и смотрел, слегка прищурившись, прямо ей в глаза и улыбался. А на белой рубашке слева под распахнутой полкой фуфайки виднелось красно-коричневое пятно. Он был ранен и хотел ей что-то сказать, но не успел. Прасковья попыталась бежать к нему, но тупая боль под лопаткой, а может, ещё и грудной сухой кашель пятилетней дочки вернули Прасковью из тяжёлого сна в реальность.

Она села, приходя в себя, а сердце колотилось быстро и громко. Рядом на печи лежала укутанная в толстую шаль Маруська – так её с любовью звали старшие братья. Вторые сутки жар и кашель мучили девочку.

– А я ей говорил: «Не ходи со мной: холодрыга на улице – простынешь!» А она: «Пойду – и всё тут!» Увязалась – не угонишь! Ни к соседям, ни к дяде Архипу идти не захотела! «С тобой пойду» – и всё тут. Теперь вот заболела, – говорил Генка, самый младший из трёх сыновей.

Николай и Фёдор на колхозных работах были заняты да на учёбе трактористов в МТС, а всё домашнее хозяйство по мужской линии: дрова заготовить, снег отгрести, скотину накормить, воды натаскать, в хлеву прибрать и многое другое – лежало на плечах тринадцатилетнего Генки. За это старшие братья прозвали его Хозяйственником. Генке это прозвание нравилось. Хоть и тяжело, но зато Хозяйственник!

Зима выдалась морозная и снежная, заготовленные дрова таяли на глазах. Вот и приходилось Генке почти каждый день ходить с санками в заботу, за реку, по дрова. Много за один раз не на-

берёшь, а тут ещё Маруська за ним увязалась прицепом. На ту сторону реки они перебрались весело: Маруська, сидя на санках, которые Генка и две его любимые дворняги лихо тянули по скользкому льду, была довольна и заливисто хохотала, да и ясная, хоть и морозная, но солнечная погода располагала к подъёму жизненных сил. «Ладно, шут с ней, пускай прокатится! Чуть меньше валежника наберу сегодня! А куда её девать, дома-то никого. Одной тоже страшно, наверное! Можно было бы к дяде Архипу её спроводить, но он в кузне на работе, и Петька тоже с ним, и бабка Миланья куда-то убежала, как назло. Да и сама она в рёв: «Не пойду!..» Ну да ничего, один раз возьму с собой, пускай сопли поморозит немного, в другой раз не захочет. Да и погодка сегодня хорошая, солнечная», – думал Генка, таща санки и стараясь не смотреть на реку, покрытую толстым слоем льда.

Чернота под ногами каждый раз, как он отправлялся за дровами, навевала дурные мысли. Не любил он смотреть на эту реку через лёд. Другое дело летом! Ему всегда казалось, что подо льдом кто-то есть, большой и нехороший. Он всегда глядит снизу, а летом такого ощущения никогда не бывало. Летом проще: волны будоражатся или так, мелкой рябью. Там всё понятно, а подо льдом никогда не знаешь, что будет и что там внизу, в черноте.

За рекой было убрдно: зима насыпала снега порядком, деревья и кустарники не давали ветрам выдувать снега, а январские и февральские морозы добротнo уплотнили его. И пока Генка выкорчёвывал из глубоких сугробов сухостойные ветки и рубил топором их в размер, Маруська вскарабкивалась по плотному насту на горку и кубарем с визгом скатывалась вниз к реке. «Пускай, пускай катается. Умается малость, тогда меньше и хныкать будет!» – размышлял Хозяйственник.

Уложив на санки дрова и перевязав их бечевой, Генка направился к месту, где каталась сестрёнка. Но её было не только не видно, но и не слышно. И лишь из сугроба под горкой торчала шубейка и едва слышался негромкий плач.

Маруська почти полностью лежала в снежной расщелине вниз головой, пытается вылезти. Спустившись к ней, Генка быстро вытащил её из снежного плена, уже замолчавшую и глядевшую на него чёрными глазами из-под ресниц, покрывшихся большими крупинками льда, как бы с укоризной: «Где ты был?»

– Взял тебя на свою голову! Сидела бы на печке! Нет, «я с тобой... дома одна не буду...» – выругался он.

Она была вся в снегу, одна рукавичка потеряна, снег пришлось вытряхивать из-под одежды. Перевязав эту куклу заново шалью и отдав свои рукавицы, Генка усадил её на сани поверх дров. Короткий зимний день перевалил в сторону вечера, и обратная дорога оказалась намного трудней: мороз крепчал, а февральский ветер пронизывал насквозь...

Прасковья промокнула пот со лба дочки, чуть раскрыла её руки и ноги. На печи было ещё тепло, хотя снизу от пола уже поднималась прохлада. Сыновья спали на топчане, укрытые поверх одеяла отцовским тулупом.

«Совсем уже большие выросли, – подумала Прасковья, глядя на сыновей, освещаемых скудным светом зимней луны через замёрзшее окошко. – Колька всё на фронт рвётся, который раз уже в военкомат ходил. В мае восемнадцать будет. Ведь уйдёт на фронт, окаянный. Да и не удержать его, вон какой дылда вымахал. Самостоятельный больно. Федька-то с Генкой, слава богу, ещё малые. Они, поди, на войну-то уже и не попадут, а может, она скоро и закончится. Да, достаётся Генке по дому работы. Он хоть и младше на два года Федьки, но уже одного роста с ним, а всё равно – малой ещё, но жилистый и упрямый, прямо как Леонтий... Как он там, сердешный? Что же это за сон-то такой приснился? Никак ранен, родимый. А вдруг... Нет-нет, он говорил, что вертается. А если сказал, значит, так и будет. Спаси-помилуй его, Господи!»

Прасковья тихонечко, чтобы никого из детей не потревожить, спустилась с печи. «Надо чуть подтопить, дочке молока с мёдом навести и попить, да и завтрак уже пора готовить: скоро ребятки вставать будут».

– Мам, как там Маруся? В жаре? – Генка всегда просыпался раньше старших братьев.

– Да ничего! Спи, ещё рано вставать-то.

– А ты чего так рано?

– Печь затоплю да молока ей согрею.

– Сейчас, мам, я приду и сам печку затоплю. – Поднявшись, он быстро сунул ноги в пижамы, накинул телогрейку и выскочил в сени.

«Генка-Генка, сердечный ты мой! Что бы я без тебя делала-то? Хорошие всё-таки у нас с Леонтием дети, душевные и работающие!» – радовалась мать.

Под тулупом зашевелился и Фёдор:

– Чё, уже пора вставать, что ли?

– Поспи, пока завтрак сготовлю.

Из сенок вошёл Генка, занося с собой в избу холод.

– Двери-то скорей затворяй, не выстуживай.

– Во, зараза, морозяка на улице жмёт! Аж колёнки околенили.

– Чё раздетый-то шмыгаешь? Мало мне Марусяки простылой!

– Я не она. Не простыну!

Из-под тулупа высунулась немного заспанная, но улыбающаяся голова Федьки:

– Напустил в дом холода, а нам вставать! Давай, Хозяйственник, затопляй печку! Пимы-то опять мои надел?.. Разрешаю. Походи, пока я не встал, погрей их.

– Ничего, и погрею!

– Ген, смотри-ка, а вояка-то наш, Николай, даже не пошевелился! Вот у кого сон богатырский. Это мы с тобой маленькие ростом, потому и спим меньше. А он дрыхнет себе и хоть бы хны!

– Ага, с тобой как раз задрыхнешь и выспишься! Вечером всё бу-бу-бу и утром с самого ранья тоже! – взрослым басом ответил проснувшийся Николай.

На печи зашлась сильным кашлем и заплакала Маруся.

Прасковья стала успокаивать дочь, Генка молча начал растапливать печь. С постели уже вставали старшие братья.

Было обычное утро начинающегося обычно зимнего дня в сибирской деревне.

А где-то далеко шла война, отголоски которой долетали и до Сибири в виде похоронок и редких писем-треугольников.

ВОРОШИЛОВ

Под сводом снежной «берлоги» повисло гнетущее молчание. Три крестьянина, волей судьбы ставшие солдатами, расположившись на лежаках, устроенных ими из тощих сосновых веток по ледяному насту, думали о чём-то своём. Слабое пламя коптилки колебалось, как лучик надежды, а снаружи гудела февральская метель. Леонтий закрыл глаза. И далеко-далеко в темноте показались ему силуэты жены и детей. Одна рука Паши лежала на груди, а другой она прижимала к себе дочурку, а за её спиной стояли три сына. Такими он их и запомнил, уезжая на фронт. Пол-

года прошло, а будто годы минули. Но он ясно помнил то последнее утро, когда они сидели все за столом молча, не зная, что их ждёт дальше. Маруська, маленький смеющийся комочек, запомнилась ему больше сыновей, и эта память приятной негой растекалась по уставшему телу.

– Да! – раздвинул густую тишину голос Ивана. – Но всё равно жаль майора! Душевный был мужик. Вот так и гинут не за понох табака. Неужто и мы поляжем так же, вон ребят-то сколько уже погибло.

Видения исчезли, и Леонтий с сожалением открыл глаза:

– Ну вроде бы закемарил чуток, а тут ты со своими причетами, Иван. Чего в душу себе страхи нагоняешь? Прорвёмся, коли поменьше плакаться будем. Так я, Гриша, говорю?

– Так-то оно так. А вот скажи-ка мне, Леонтий, как это так выходит? Неделю назад через тебя пуля прошла, мы ещё табачок с твоей кровью не искурили, а ты уже опять как огурец-молодец! Заговорённый, что ли?

– Заговорённый, заговорённый. Ладно, хоть вас не задело.

– Тут ты прав на все сто! Я как вспомню ту ночь, так душа в пятках щечочет. А ты молодец, не пикнул ни разу, я уж тогда за тебя знаешь как перепугался? Мне тут бабка наша деревенская как-то приснилась, колдунья она у нас, ну, все так её называют. И аккурат ведь она перед твоим ранением приснилась. Так она мне и сказала, чтобы я тебя держался. «Пока, – говорит, – он с тобой, ты живой будешь». Ага, так и сказала. Во сне это было. Вроде бы с четверга на пятницу этот сон. А с четверга на пятницу сны всегда сбываются – это мне ещё моя бабушка говорила!

– А она тебе ничего про твой язык не говорила?

– Не, ничего такого. Только вспоминала, что я лет до шести вообще не разговаривал. Ну а потом как прорвало – и понеслось!

– То-то и видно, что прорвало! – засмеялся Леонтий. – Легко тебе, наверное, с разговорами. Ну и ладно, ну и говори, коль прорвало!

– Ты вот, Леонтий, всё смеёшься, а я представил себе, что столько лет молчал, так даже самому страшно стало. Как это так?! Всё видеть, а сказать ни-ни. Жуть!

– Да уж! У тебя в родне, наверное, все такие разговорчивые, – проворчал Иван.

– Я вот и говорю, что тёмный ты человек, Ваня. Все не могут быть такими, как я, иначе знаешь

какой шум на Земле был бы? Вот смотри, я говорю, Леонтий улыбается и говорит подумавши, а ты всё ворчливо и с недоверием воспринимаешь. Вот и получается среди нас идиллия. А если ещё в нашей компании был бы один как я, тогда всё – хана компании. Вот молчуна бы одного маломальского можно было бы. Для противовесу.

Немного помолчав, сделав паузу, как бы взвешивая наступившую тишину, Григорий выдал новость:

– А вы знаете, что к нам сам Ворошилов приехал? Мужики говорят, значит, наступление скоро будет.

– Когда ты всё успеваешь прознать, Григорий? Прямо разведка! Надо капитану посоветовать, чтобы тебя в разведчики определил. Вроде бы никуда не ходишь, а всё знаешь.

– А насчёт разведки – это не, не получится. Я же долго молчать не могу. А в разведке – там тихо надо, молча. Не, не пройду, это точно! А то кто же тогда вам пайку с кухни принесёт? Не подумал? На кухне, Леонтий, самые что ни на есть первые новости и узнать можно. В Дубовике, говорят, он, Ворошилов. Может, и к нам наведается, тут всего-то ничего, вёрст десять – пятнадцать.

– Ага, приедет, чтобы с тобой поговорить перед боем. Погибать чтоб нам легче было.

– Вот я про то и говорю, что тёмный ты человек, Иван, ну прямо как поддувало в печи. Всё в чёрном цвете у тебя! Вон Леонтий сказал: «Выдюжим!» Значит, выдюжим.

– Будешь тут тёмным. Смотри, скольких уже потеряли. А то ли охота помирать-то? Жизни ещё не видели. Вон с Алексеем и Яковом сколько месяцев вместе коротали, а вот их уже и нет! Сгибли сразу. И другие из взвода полегли, больше половины уже нет.

– Ну, завёл волюну. Я же говорю, молчуна нам для комплекта надо. Он бы тебя, Иван, молча слушал и в такт тебе: «Угу-угу!» А может, филина нам в лесу выловить, а, Леонтий? И будет он тут Ивану угукать!

Леонтий встал, поправил фуфайку, затянул ремнём:

– Пойду до командира схожу. Узнаю, что к чему.

Он выбрался в морозный и вьюжный вечер. Судя по скверной погоде, никаких наступательных действий не предвиделось. Жёсткий и колючий ветер, пронизывая насквозь, бил в лицо крупными и острыми льдинками, которые, тая, оставляли на губах неприятный болотный привкус. «Гиблые места, сказали бы у нас в Сибири.

65

И воздух здесь тяжёлый. Одно слово – болото. Летом-то как они здесь живут? Комарья, поди, полно и гнуса разного», – подумал Леонтий.

Вскоре, преодолев снежные заносы и сильные порывы ветра, он добрёл до командирской землянки. Назвавшись и сообщив часовому, что он пришёл к капитану Надирадзе, Леонтий вошёл внутрь. Тут было теплее и намного просторней, чем в их «берлоге», здесь располагались все взводные. Посреди теплилась буржуйка, возле неё стоял стол, сооружённый из тонких берёзовых стволов, вдоль стен располагалось несколько топчанов с отдыхающими командирами. Капитан Надирадзе сидел за столом, смотрел на карту и курил трубку.

Повернув немного голову в сторону вошедшего Леонтия, он устало спросил:

– Что, дара-гой? Пра-ходи. Садись. Вот как... с майором-то. Ну, ни-че-го. Прорвёмся! А? Солдат? – Чего же не прорвёмся? Конечно, прорвёмся! Не впервой... А майор? Как он?

– Увезли, да-ра-гой, майора. Успели. Подлежат. Ты охрану-то оставил?... Я вот, видишь, здесь дежурю. Па-ни-ма-ешь, Ленинград рядом! Я там никогда не был. Дядя мой был. А я – нет. Ленинград! Тбилиси – это да, мой город. Но Ленинград... Он – наш!

– Я тоже не был. Я из деревни. Далеко в Сибири это. Я в Барнауле-то был раз десять, ну, может, чуть больше.

– Ничего, солдат. Прорвём окружение и пагоным фры-ца до само-го Берлина! И в Ленинграде па-бываем.

– Я, товарищ капитан, зашёл про майора узнать. Узнал. Да коня хотел своего, Седого, дойти глянуть...

– Схо-ды, солдат, па-смотри друга!

Леонтий направился к выходу. В этот момент дверь отворилась и вместе с клубами мороза в землянку стали заходить генералы, среди которых был сам Климент Ефремович Ворошилов. Леонтий невольно отступил в сторону и замер от неожиданности. Капитан Надирадзе, видимо, тоже не ожидавший такого визита, выронил трубку и быстро встал из-за стола; накинутый на его плечи полушубок упал на пол.

Ворошилов прошёл к столу, снял папаху, сел и, посмотрев на капитана, сказал:

– Ну что, капитан, чаем угостишь?

Один из командиров, прибывших с маршалом, движением головы указывал Леонтию на дверь, давая понять, что тому нужно быстренько покинуть блиндаж. Этот жест не остался незаме-

ченным Ворошиловым и присутствие красноармейца тоже.

– Чего это ты там головой дёргаешь? Контузило, что ли? – пошутил Ворошилов. – Садись, капитан. И вы рассаживайтесь, – предложил он прибывшим с ним, – чего столбами-то стоять? А ты, боец, похоже, конник? Фамилия?

Спавшие в блиндаже взводные и полковые стали просыпаться и спросонья не сразу сообщали, что тут происходит и кто перед ними.

– Рядовой красноармеец 236-го кавалерийского полка 87-й кавалерийской дивизии Гуляев.

– А вторая рука где?

– Под фуфайкой она, товарищ маршал. Ранение небольшое было.

– Сильно небольшое?

– Да так, навылет.

– А что не в госпитале?

– Да я кiset с махоркой к ране приложил, потом сестричка обработала. Всё уже почти и зажило.

– Какой такой кiset с махоркой?

– Да обыкновенный, товарищ маршал. Кiset с махоркой.

– Ну-ка, ну-ка! Присядь-ка рядом да расскажи.

– Да дело-то обычное. Бой был. Уж больно быстро фрицы дзоты понаделали. Мы вечера три их атаквали. На третий день меня и зацепило. Ну, я кisetом рану придавил.

– Помогло?

– Помогло. Это верное средство. В забоке, бывало, лес рубишь, поранишься случаем, так махрой залепишь – быстро заживает.

– Ну да? А немец-то – он сильно бьёт?

– Пристреляно у него хорошо. Каждый метр. Его бы артиллерией прищучить, нам бы проще было. На конях мы его не свалим, нет, не свалим, снег убродный.

– Ну да. Ну да. Артиллерией... Ну ладно, боец, спасибо! Иди, а мы тут поглядим насчёт артиллерии.

Леонтий встал, откозырял по всем правилам и быстрым шагом вышел из блиндажа. Уже на улице он почувствовал, как сильно вспотела его спина, и всё произошедшее было в каком-то тумане. «Чего сказал? Как сказал и зачем? Про махру, про артиллерию! Они, генералы, лучше знают, а я тут со своим шкворнем», – сокрушался он на ходу.

К Седому идти по ночному морозу Леонтию уже расхотелось, и он, сам не зная почему, пошёл к полевому санпункту.

МЕДСЕСТРИЧКА ТАНЯ

– Ой, вы на перевязку, наверное? Я сейчас, только руки оботру.

– Да нет, дочка! Я просто мимо шёл...

– Давайте я посмотрю и перевяжу вашу рану. А у нас пока перерыв, операций нет, а раненых много. Слава богу, не сильно. Вот вчера прямо один за одним весь день, и всё тяжёлые. Жалко, такие дядечки, как мой папа или братик старший, а уже без рук и ног!

– Да ты, дочка, не переживай так-то. Война – она так: кому сразу, а кому ещё и пожить долго! Зовут-то как?

– Таня.

– Вот, Танечка-Танюша! Я тут просто мимо шёл. А ранение моё уже махорочкой полечено да твоими стараниями и зажило! Лёгкая у тебя рука, дочка!

– А давайте я вам новую перевязку сделаю. Всё лучше будет!

Он сел на угол топчана и освободил рану. Лёгкие и проворные руки медсестры аккуратно снимали бинты, а Леонтий, чувствуя это, окунулся в свои мысли. И мысли его были далеко отсюда: он был там, у себя дома. И эта война сегодня ночью, в эту минуту, нисколько его не тревожила. Его тревожило то, что Паша, такая хрупкая и маленькая жёнушка, сейчас там одна с детьми. И только сейчас, успокоенный перевязкой этими нежными, почти детскими ручками маленькой санитарочки Тани, он понял, что главное-то в его жизни была она, Паша! Та, которую он и полюбил когда-то давно за её спокойствие и молчание. Она, наверное, любила его, дурака, с его неумной гордыней, и рожала ему детей так же молча и с любовью! А сейчас вот он здесь, далеко. И немчура вокруг. А его семья – далеко. Трудно ей с четырьмя-то, хотя сыновья уже совсем большие и самостоятельные, а всё равно ноет под рёбрами-то. «Но ничего, я вернусь, чего бы мне это ни стоило! Нельзя погибать, нельзя. Вот и Ворошилов приехал, видимо, неспроста, наверное, на днях будет что-то серьёзное. Глупо, конечно, умереть в сугробе, а потом весной уйти в болото. Немец-то, сволочь, укрепился, успел когда-то...» – думал про себя Леонтий, а вслух произнёс:

– Нет-нет, нельзя мне.

– Чего вам нельзя, дядичко? – перебила его мысли санитарка.

– Мне? Да это я про себя. Задумался, дочка. Прямо усыпила ты меня. Так вот подумал, первый бой у меня был в Ольховке, там и мы нем-

цев видели, и они нас. А пули, как осы, роём летали. А вот ни одна не задела. А тут шальная какая-то – и прямо под мышку. Чудно!

– Ольховка? Это деревня такая была, да?

– Почему была? Она есть.

– Да тут на днях к нам двоих раненых привезли, один-то сильно раненый, а второй поменьше. Я их перевязывала, а они как раз про эту деревню говорили. Немцы, говорят, там всех жителей поубивали. И детей, и всех.

От этих слов мурашки холодком побежали по его спине, а волосы на голове стали шевелиться, во рту внезапно пересохло.

– Где они? – прохрипел он, сам не узнав своего голоса.

– Кто? Чё с вами, дядичко?

Первые мысли, которые пронеслись у Леонтия: «Как так? Немцы всех в деревне убили? И стариков, и детей, что ли? Суки! Сволочи! Как так? Что они, совсем не люди?» Потом, глядя на испуганное лицо девчонки-санитарки, которая смотрела на него округлёнными глазами, он взял себя в руки, но в голове всё равно стучал молоточек: «А если эти двое вдруг Яков и Алексей? Вдруг живы?!»

– Солдаты, эти двое, где? – Леонтий, увидев испуганное лицо Тани, уже спокойнее добавил: – Дочка, где эти солдаты? Проводи меня к ним... Пожалуйста, Танечка-Танюша!

– Так я провожу. Только спят они, наверное, уже.

– Проводи, посмотреть надо на них! – уже более спокойным голосом произнёс Леонтий. – Понимаешь, мы под Ольховкой двоих однополчан-земляков потеряли. А вдруг они это? Я только гляну на них – и всё. А перевязываешь ты умело, у меня прямо всё уже и зажило! Будет из тебя хороший врач.

– Скажете тоже. А рана-то ваша и вправду почти полностью зажила. Я перевязку закончила. Дня через два можете и бинты снять. Можно к нам прийти, нам бинты нужны, мы их прокипятим, и другим они ещё пригодятся. Пойдёмте уж, поглядите, может, и вправду ваши друзья-товарищи. Тут недалеко, вон в том околке их палатка...

Зайдя в санитарную палатку, Таня подвела Леонтия к лежакам, где лежали двое раненых.

При скудном свете нескольких коптилок было трудно разглядеть их лица. Леонтий наклонился, чтобы лучше рассмотреть одного из них.

– Чего уставился? Доктор, что ли? – неожиданно спросил раненый.

– Да нет. Не доктор. Думал, что вы мои земляки-однополчане. Потерял я их недалече от деревни Ольховки. В конце января мы там наступали и немцев оттуда выбили. А их вот потерял. Думал, а вдруг вы – это они! И санитарочка сказала, что вы оттуда, что были там.

– Тебя как зовут-то, друг? По говору слышу – нашеньский, из Сибири.

– Леонтий я. Из-под Барнаула.

– А я Никола, из Бийска. Там интенданты были, это, получается, после вас уже. Потом деревню фрицы заняли. Мы их неделю атаквали, потом и выкурили. А когда зашли... Я всякое видел, но такого – ни разу! Сволочи, они всех деревенских, всех до одного убили. Представь: дети там штыками порублены, а старухи и старики с разбитыми головами. Я этих фрицев теперь голыми руками душить буду, ни одного не пожалею!

Леонтий слушал, а в его сознании всплыли воспоминания того дня после освобождения Ольховки. Они с бойцами шли огородами, осматривали сараи, погреба и дома. В нескольких погребах были жители деревни, выгнанные из домов немцами. От вида сельчан, находящихся в одном из погребов, Леонтию тогда стало не по себе. От этого воспоминания он и сейчас почувствовал холод. А тогда он представил на месте этих ребят своих детей.

Леонтий молча встал и вышел из палатки. Всё у него внутри бушевало: «Да что же это такое? Как? Как такое можно?» Кулаки сжались, впиваясь ногтями в ладони, мороза и ветра он не чувствовал, чувствовал боль в груди от неисполнения данного слова тем людям в деревне, той бабке и женщине с тремя детьми, которых уже нет! Страшно! Страшно и больно!

Как в тумане он дошёл до своей «берлоги» и спустился внутрь.

– Ну ты, Леонтий, как в молодости: ушёл на пять минут, а два часа нагулял! Или огулял кого?

– Ты, Гриша, можешь помолчать? Что ли, совсем не спишь?

– Сейчас он только храпел, аж ледок с потолка сыпался. – Иван тоже не спал.

– Чего-то ты хмурной какой-то, Леонтий?

– Хмурной? Я не просто хмурной, я вообще злой как собака!

– Ну-ну, понял, понял! Молчу.

Леонтий сел на свой лежак, молча достал кiset и ещё слегка дрожащими пальцами стал скручивать большую козью ножку.

Григорий вправду замолчал, притих и Иван. Они оба знали, что Леонтий так просто не будет

зол. Значит, что-то произошло. А расспрашивать его сразу было бесполезно. В «берложке» наступила тишина.

Дым самосада был более приятен, чем запах гнилой болотной воды, протекающей под небольшим клозетным отверстием из соседней конурки, сооружённой рядом с их жилищем. Конурка та была отделена небольшим проёмом и завешена лоскутом, оставшимся от полы шинели, прихваченной после боя запасливым Григорием. Иван лежал, как всегда, молча, он никогда не вступал в разговоры первым. Привычка.

Григорий не мог долго терпеть тишины и молчания:

– Дай зобнуть-то хоть разок, Леонтий. Уж больно дымок самосада вкусно пахнет.

– На.

– Ну вот. Это уже по-нашему. А то сидит себе и смолит в одиночку, как куркуль! Добрый табачок! Вань, будешь?

– Немцы после нас Ольховку заняли. Потом наши их выбили опять оттуда. Но немчура, сволочи, всех, понимаешь, Гриша, всех убили! И тех ребятишек троих с матерью, и бабку с дедом! Всех. Всю деревню под корень! А ведь я им обещал, что мы их не дадим в обиду.

– Ё... – только и смог выговорить Григорий, а Иван сел.

Тишина перемешалась с дымом самосада. Говорить больше никто не хотел. Да и что можно было сказать? Леонтий устало прислонился плечом к стенке своей ниши, глаза сами собой закрылись, а мысли закрутились вихрем и полетели далеко, расталкивая сумбурные наслоения последних дней. Мысли несли его домой, на родину.

В ДЕРЕВНЕ. ВЕСНА 1942-го

День заметно прибавился. Почти уже весеннее солнце, несмотря на стойкий мороз, в полуденные часы понемногу старалось растопить огромные сугробы, но за короткое время ему удавалось лишь слегка приплюснуть их верхушки, образуя ледяную корочку. И всё же весеннее настроение уже чувствовалось во всём. Воробьи, прятаящиеся холодной зимой в сараях, небольшими стайками уверенно рассаживались на крыше, деревьях, штакетнике, дружно и залиристо чирикали, радуясь заканчивающейся зиме. И ветер, дующий с реки, был вроде бы уже и не таким злым и колючим.

Старый лохматый кот по прозвищу Пушок, всю зиму лежавший возле трубы на печи, утрами

сплозал вниз, потягиваясь и скрипуче урча. Он лениво, но с присущим ему достоинством и независимостью подошёл к миске с молоком, косясь на хозяев, как бы говоря: «Раньше мне на печку молоко подавали...», начинал неторопливо лакать. Потом долго потягивался в лучах солнца, падающих на пол сквозь оконное стекло, затем, степенно дойдя до лаза, скрывался в подполе, а через некоторое время появлялся на улице. И медленно крался к ограде, на которой грелись на весеннем солнце и чистили пёрышки воробьи. Он готовился к охоте.

Это был верный признак того, что зима отступает. С каждым утренним лучом солнца становилось яснее видно скорое приближение весны и уход надоевшей своими ветрами и морозами зимы.

Сыновья уже ушли на работу; Прасковья, убрав за ними со стола, накрыла крынку молока и ещё тёплые лепёшки полотенцем, одевшись, поправила одеяло у спящей дочки и пошла к старенькой соседке с просьбой о пригляде за дочкой.

– Пригляжу, чего же не приглядеть-то, чай не впервой. От Левонтия-то есть весточка какая-нибудь?

– Да нет. Никакой весточки!

– Ой-ё-ё, горемычные они, наши мужики-то. То там Гражданская война, будь она неладна, то опять с немцем! Сколько теперь не дождёмся мужиков-то? Ныне поболее, наверно! Ну, ты иди, иди себе, не слушай меня-то, старую, причеты-то мои. Пригляжу я за Машей твоей. Вот сейчас оденусь, полешек чуток подброшу да и к вам пойду. Посижу, пока дитяtko спит. Иди, не переживай, управлюсь, не впервой.

– Там молоко и лепёшки на столе.

– Да иди с богом.

Прасковья быстрым шагом направилась на ферму.

Солнце только что первыми и слабыми лучами начинало выбираться из-за деревьев за рекой, а деревня уже проснулась. По дороге Прасковью догнали ещё несколько доярок.

Старый бригадир Быстров стоял у ворот коровника, постукивая бичом по валенку, а второй рукой поправлял и подкручивал свои будённовские усы. Сколько лет деду Илье, никто и не знал. Говорили, что он с самим Сталиным с одного года и почти двадцать лет служил в царской армии, а потом вроде бы у белых был, а после и в кавалерии у Будённого. И усы у него были пря-

мо будённовские. Меж собой деревенские почему-то прозвали его Колчаком. Может быть, за его строгость: не любил он разгильдяйского и ленивого отношения к работе, строго пресекал всякие нарушения и непорядки.

– Долго спите, бабоньки, солнце уже встало, коровки вас заждались. А они, глянь-ка на них, не торопятся! Больно спать охочи! Так я вас вот бичом-то быстрёхонько отучу!

– Ишь ты, бичом нас пугать! Не зря тебя, Илья Афанасьевич, Колчаком прозвали! – кто-то ответил ему из доярок.

– Вот я вам за слова-то такие всем сейчас всыплю!

– Да ладно, будет тебе, дядя Илья! Не обижайся на глупости наши бабские!

– Глупости?! Глупости – они от безделия бьют. Темновато ещё, не увидал, кто это там эти глупости пустозвонит. Сыпал бы по самое не горюй! Я у самого Будённого служил, он лично мне вот эту руку жал, благодарил за службу, значит! А вы – Колчак, Колчак! Давайте уже, хватит уже трещать, трещотки. Работы полно, – явно с обидой в голосе произнёс длинную речь дед Илья. – Давайте-давайте, заждались коровки-то уже.

69

Внутри коровника от ста с лишним мычащих коров, готовых к доению, было влажно и тепло; пахло прелым сеном. Парни, пришедшие раньше, уже почти очистили стойла от навоза, смешанного с соломой, и заканчивали раскладывать свежий корм по кормушкам.

Утренняя дойка началась: звонко загремели вёдра, притихли коровы, вскоре стало слышно только довольное чавканье бурёнок и звяканье острых струек молока по стенкам вёдер.

– Дарья, шельма ты такая! Опять позже всех на дойку явилась! Уж я на тебе сегодня отыграюсь! – Громкий голос деда Ильи разнёсся по морозному утру и эхом прошёлся по коровнику.

Доярки захихикали, коровы повернули головы в сторону ворот. Всё было как всегда. Дарья, жена Ильи Афанасьевича, всегда приходила чуть позже всех. Дед постоянно её ругал и грозился каждый раз отходить бичом за опоздания. Но она была моложе его на двадцать лет, сама ему всегда грозилась пальчиком, мол, посмей только, чёрт усатый!

– Я же твоих же дочерей завтраком кормила, сопли им вытирала, вот и опоздала чуток. С завтрашнего дня сам будешь их кормить и одевать,

а я заместо тебя здесь, у ворот коровника, постою, бичом пощёлкаю! Ишь расходился тут, как самовар! Домой придёшь – вот и бригадирствуй! А я посмотрю!

Весело было дояркам слушать каждодневную семейную перепалку Ильи и Дарьи, теплее и спокойнее становилось от этого.

И казалось, что обычное весеннее утро наступило во всём мире, нет никакой войны, а есть вот эта музыка струек парного молока о цинковые стенки вёдер.

ФРОНТ. ВЫХОД ИЗ ОКРУЖЕНИЯ

Быстро приближающаяся весна, несмотря на ещё морозные ночи, вносила свои коррективы: днями снег стал быстро буреть, набухать от влаги и в совсем недавно заснеженных полях вскрылись болота. Солнечные дни и почти ежедневные авиационные бомбардировки убыстрили этот процесс. По зимним дорогам, ещё существующим и покрытым ледяной коркой, днём проехать было уже довольно сложно. Техника вязла в болотной жиже.

Ночные атаки на немецкие позиции тоже вносили коррективы: в свои шалаши и землянки после изматывающих боёв возвращались не все. Кто-то отправлялся в санчасть, а кого-то хоронили в братских могилах.

В один из вечеров в крыше «берлоги» образовалась большая дыра: снежный потолок обрушился и, рассыпавшись на куски, присыпал отдыхавших красноармейцев.

– Я прямо как чувствовал, что недолго нам здесь осталось загорать! – как всегда, первым отреагировал вскочивший с лежанки Григорий, стряхивая с себя комья снега. – Днём ещё подумал, а оно вот тебе и раз!

– Мог бы предупредить, раз подумал. – С ворчанием встал и Иван, тоже стряхивая с себя снег и ледышки.

– Ладно, в следующий раз предупредительный выстрел сделаю. Ты смотри, аккурат прямо к ночи жильё наше рассыпалось. Чудеса! Видимо, придётся менять дислокацию, в наступление опять нас бросят.

– Всё ты знаешь, Григорий, наперёд.

– Так я же не сижу на одном месте, а то к поварам добегу, то к снабженцам. С вечера уже, говорят, и приказ получили. Закончился, стало быть, наш короткий отдых.

– Ещё знаешь, наверное, куда двинем?

– А то как же. Само собой, знаю. В ночь, скорее всего, выступаем в сторону Каменки. Там,

говорят, фашистов до сотни видели. Разведка! А мы-то вот как раз без жилья остались, так что самое то: в бой пора! Да и пополнение у нас уже закончилось. Пора и нам вперёд.

– Ну, Гриша, я даже и не сомневался, что ты всё уже разведал, – произнёс Леонтий, выбираясь наверх из обрушенного жилища. – Наверное, ты прав. Вон все наши зашевелились. Видимо, построение скоро.

– А то! Когда я просто так говорил?

Григорий поднимался следом.

– Иван, хватит там прохлаждаться, давай двигай на свежий воздух.

– «Двигай, двигай». Мне и тут свежо, – бурчал Иван, встряхивая от снега трофейную шинель. – Сейчас поднимусь. Тоже мне, командир выискался.

В поредевший всего за один месяц и несколько боёв 236-й кавалерийский полк к концу февраля тоже прибыло пополнение. Отделение Леонтия пополнилось пятью красноармейцами, уже обстрелянными и понюхавшими запах пороха и крови. Все они были родом из сибирских деревень: кто из-под Иркутска, кто из-под Томска и Красноярска. Знакомство закрепилось стуком алюминиевых кружек с энзэ, без лишних распросов и разговоров, кроме коротких фраз: «Фамилия?», «Имя?», «Откуда родом?».

После недолгого построения и переклички 236-й кавалерийский полк выдвинулся в сторону села Дубовик.

– Леонтий, а ты, случаем, не партизанил в Гражданскую войну? То, что ты не очень-то много разговоров ведёшь, это мы уже уяснили меж собой. Точно я, Иван, говорю? Похоже, что не просто партизанил, а разведчиком был, – завёл походный разговор Григорий. – Вот уже почти неделя прошла, а ты ни одним словечком не обмолвился. Ладно я тут случайно узнал, а то так в незнании всю войну бы и провоевали. А он, Вань, молчит ведь!

– Ты про что это? – спросил Леонтий.

Иван, не понимая, о чём речь, но сообразив, что может пропустить что-то интересное, высвободил ухо из-под шапки.

– Так вот про то, что сейчас бы мы с дополнительным пайком топали, да и в бою легче было бы сытыми быть.

– Не пойму я, куда ты клонишь, Гриша!

– Так вот как раз туда и клоню. Про встречу твою и разговор с самим Ворошиловым! Вот вче-

ра хотя бы рассказал нам про то, как ты беседы вёл с самим маршалом Климентием Ефремовичем, так сегодня я с утра пару-тройку дополнительных пайков бы и выбил, пока было ещё что выбивать! Рассказал бы снабженцам, как тебя сам Ворошилов поздравил с прошедшим Днём Красной армии, так они бы мне вещмешок битком набили! И шли бы мы сейчас по этой ночи сытые и довольные бить вражину.

– Морду бы они тебе набили, это точно, а не вещмешок! – пробурчал Иван.

– Вот, Иван, ты даже помечтать человеку не дашь! Только я, значит, чего-нибудь надумаю, чтобы срезать углы всякие, а ты прямо тут как тут с причетами. Я, может быть, мыслями своими от голодухи нас спасаю, а ты сразу «в морду, в морду»! Глянь в вещмешке, там в уголке сухарь не завалялся, случаем?

– Тебе-то это надо?

– Надо, надо! Вот идём мы сейчас фрица бить, а на желудке голодно! Разве это правильно, а, Леонтий? А Ваня, мне так кажется, точно, что-то заныкал!

– Да ладно тебе, Гриша, доводить-то его. В бой идём, не до жиру тут! – Леонтий решил немного придержать коней Григория.

И тут раздался взрыв.

Так неожиданно и без всякого свиста летящего снаряда. Леонтий как-то неестественно остановился и стал заваливаться набок. Рядом идущий с ним солдат поднялся над сугробом и упал, уткнувшись головой в снег. Его нога упала рядом.

Гриша с Иваном упали почти одновременно, закрыв голову руками. Липкая и солоновато пахнущая жидкость потекла по лицу Григория. Следом рвануло ещё и ещё...

Григорий приподнял голову и осмотрелся. Иван тоже шевельнул рукой, потом ногой.

– Вань, жив?

– Кажись, жив. Вот сволота... Насовал тут мин... Сука!.. А Леонтий где?

Григорий подполз к недвижимому Леонтию, распахнул фуфайку, приложив ухо к груди.

– Жив, курилка! Жив, чертяка! В госпиталь его надо. Срочно. Давай, Ваня, живо давай!

В госпитальной палатке, куда принесли Леонтия, мест не было.

– Дочка, – обратился Григорий к пробегающей мимо медсестре, – дочка, помоги моему лучшему другу! Очень прошу!

– Да господи! Куда же я его? Видите, все палатки полны!

– Доча, ну очень нужно ему помочь! Пойми ты! Очень!

В свете вспыхнувшей в небе ракеты сестричка увидела лицо Леонтия:

– Так это же дядя Лёня! Он же у меня два раза перевязку делал!

– Он, он! – Григорий взял руку медсестры и, глядя ей в глаза, соврал: – Он нам про тебя все уши прожужжал! Вот, видимо, судьба такая! Опять к тебе попал. Всё говорил: «Дочка, дочка».

– Сильно его ранило? Вроде бы крови-то нет.

– Да сильно, сильно! Без сознания он, а сердце, как барабан, стучит!

– Знаете, у нас тут подводы тяжелораненых грузят в тыл отправлять. Может, и его туда же?

– Молодец, дочка! Не зря Леонтий всё про тебя нам талдычил. Молодчина! В тыл его, сердечного, надо! В тыл!

Так волей судьбы и благодаря настойчивости друзей-однополчан Леонтий в бессознательном состоянии после тяжёлой контузии был отправлен в тыл.

Война в окружении под Любанью в кавалерийской дивизии для него была закончена, но после его излечения она продолжилась в стрелковой дивизии – за освобождение городов Псков и Ленинград вплоть до тяжёлого ранения в августе 1944 года.

Справка

Григорий Лаврентьевич Меньшиков

Дата рождения: 1902 год.

Место рождения: Новосибирская область.

Дата и место призыва: Новосибирская область, Топкинский РВК, рядовой, кавалерист.

Умер от болезни: 24.06.1942. Парахино. Дом культуры, 1924-й ЭГ ВФ.

Захоронен: Окуловский район, северо-западная окраина г. Окуловка. Братская могила.

Иван Ермолаевич Бахарев

Дата рождения: 1900 год.

Место рождения: с. Обинское.

Убит: 30.05.1942.

Захоронен: д. Мясной Бор.

Август 2015 г. – январь 2020 г.